

Раздел V:
Ввод ОКСВА и подготовка «Шторма-333»

Большая Медведица

Ночами Большая Медведица
На небе задумчиво светится,
На север укажет звезду..
Да только
    на юг
        я иду.

Кровавая междоусобица
Горит здесь, а мне нужно гробиться?
Зачем накликать мне беду?
Но, коль
    приказали,
        иду.

Позволишь, Большая Медведица,
Ещё на тебя понадеяться?
Укажешь на север звезду? –
Домой я
    однажды
        пойду.

*ДРА (411-й ооСпН) –
Одесса (411-й ОБГ),
1985–1987 годы*

Ввод войск СССР в ДРА и последующее участие советского экспедиционного контингента в гражданской междоусобице в этой стране – это трагическая страница истории народов бывшего Союза и Афганистана. Вряд ли стоит сегодня говорить о том, как это стало возможным без учёта сложившейся к концу 1970-х годов международной обстановки, а также без чёткого представления о военно-политических реалиях холодной войны, проходившей между двумя общественно-экономическими системами, двумя мировыми сверхдержавами. СССР и ДРА, миллионы советских граждан и афганцев, по сути, стали заложниками этого противостояния. Однако в нашем исследовании при описании событий декабря 1979 года будем придерживаться прежде всего военно-профессиональной составляющей этого драматического действия, хотя не дать (даже мельком) общий политический план происходившего вокруг ввода советских войск в Афганистан и штурма дворца Тадж-Бек тоже нельзя.

1. Партийные протоколы и записки

В.Н. Пластун, бывший в 1979 году вторым секретарём посольства СССР в Афганистане, в своей книге «Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики», написанной в соавторстве с В.В. Андриановым и изданной в Москве в 1998 году, утверждает: «Думаю, что принципиальное решение о свержении Амина было принято в руководстве СССР после случайного перехвата закрытого письма ЦК НДПА членам партии, в котором советский посол А.М. Пузанов прямо обвинялся в организации заговора на жизнь Х. Амина. Текст этого письма фактически воспроизводил речь Амина на состоявшемся в сентябре закрытом Пленуме ЦК НДПА, на котором Амин, описав подробности покушения на свою жизнь, потребовал низложения Тараки»¹. Так ли на самом деле всё обстояло или нет – это сегодня вопрос дискуссионный. Во всяком случае, следует признать, что фактов, подтверждающих подобную версию, значительно больше, чем её опровергающих.

---

¹ Пластун В.Н., Андрианов В.В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М., 1998. С. 13.

Очевидно, читателю будет небезынтересно узнать, на основании каких решений высшего руководства СССР, а точнее, ЦК КПСС осуществлялись ввод советских войск в ДРА, государственный переворот в Кабуле, миссия в Афганистане «мусульманского» батальона спецназа ГРУ Генштаба и спецгрупп КГБ СССР. Некоторые из них сегодня можно представить читательскому вниманию.

Информация к размышлению

Документ ЦК КПСС
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА

Постановление ЦК КПСС
№176/ 125 от 12 декабря 1979 года
«К положению в «А»

Председательствовал тов. Л.И. Брежнев.

Присутствовали: Сулов М.А., Гришин В.В., Кириленко А.П., Пельше А.Я., Устинов Д.Ф., Черненко К.У., Андропов Ю.В., Громыко А.А., Тихонов Н.А., Пономарёв Б.Н.

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А.

Разрешить в ходе осуществления этих мероприятий им вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро. Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить тт. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Л. Брежнев
№ 997 (1 л.)

Таков официальный текст документа, которым фактически было определено проведение государственного переворота в Афганистане, то есть в «А», и осуществление ввода советских войск на территорию ДРА, завуалированное нейтральным словом «мероприятия».

Обратим здесь внимание читателя на то существенное обстоятельство, что перед нами не решение высшего государственного органа Советского Союза, уполномоченного действовавшим законодательством СССР принимать подобного рода решения. Перед нами всего лишь партийный... протокол, написанный неровным почерком от руки. В этой связи заметим, что решений высших органов государственной власти Союза ССР по вопросам ввода советских войск в Афганистан и осуществлению в ДРА государственного переворота до настоящего времени не опубликовано и (или) не найдено ни одного. К чему следует добавить, что вряд ли это когда-нибудь произойдёт, ведь верхушка СССР и КПСС умела хранить свои тайны.

Хотя, по большому счёту, вся эта сверхсекретность, связанная с вопросами положения в «А», была не более чем проявлением изворотливости, профессиональной чиновничьей боязнью ответственности за содеянное, если не сказать большего. Тем не менее этот протокол «руководящей и направляющей силы советского общества» (так КПСС была провозглашена в СССР конституционно. – *Примеч. В.К.*) чётко определяет «лицо» коллегиального партийного органа, ответственного за ввод советских войск в ДРА. Впрочем, здесь указаны и соответствующие персоналии.

Небезынтересным в этой связи представляется мнение бывшего начальника внешней разведки КГБ СССР генерал-лейтенанта Л.В. Шебаршина: «Секретных документов, освещающих процесс принятия решения о свержении Х. Амина, создание правительства во главе с Б. Кармалем и ввод советских войск в Афганистан, в КГБ не существует. По рассказам моих друзей, немногие документы исполнялись от руки в единственном экземпляре и были уничтожены по личному распоряжению Ю.В. Андропова. Не знаю, чем руководствовался Юрий Владимирович. Возможно, уже тогда он почувствовал, что дело добром не кончится... Историкам афганской военно-политической кампании придётся довольствоваться самым ненадёжным материалом – официальными документами и свидетельствами очевидцев»¹. Что ж, в нашем распоряжении имеются только эти «самые ненадёжные материалы».

1 Шебаршин Л.В. Рука Москвы. – М., 2002. С. 222-223.

Информация к размышлению

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА

*Из материалов заседания Политбюро ЦК КПСС
«О пропагандистском обеспечении нашей акции
в отношении Афганистана»*

«При освещении в нашей пропагандистской работе – в печати, по телевидению, по радио предпринятой Советским Союзом по просьбе руководства Демократической республики Афганистан акции помощи в отношении внешней агрессии руководство следовать следующим:

...3. Подчёркивать, что в результате актов внешней агрессии, нарастающего вмешательства извне во внутренние афганские дела возникла угроза для завоеваний Апрельской революции, для суверенитета и независимости нового Афганистана. В этих условиях Советский Союз, к которому руководство Демократической Республики Афганистан за последние два года неоднократно обращалось с просьбой о помощи в отражении агрессии, откликнулся положительно на эту просьбу, руководствуясь, в частности, духом и буквой советско-афганского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве...

5. При освещении изменений в руководстве Афганистана подчёркивать, что это является внутренним делом афганского народа, исходить из заявлений, опубликованных Революционным Советом Афганистана, из выступлений Председателя Революционного Совета Афганистана Кармаля Бабрака.

6. Давать твёрдый и аргументированный отпор любым возможными инсинуациям насчёт якобы советского вмешательства во внутренние афганские дела. Подчёркивать, что СССР не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в руководстве Афганистана...

Протокол № П 177/ 151
от 27 декабря 1979 года»

Исходя из текста процитированного ранее документа Политбюро ЦК КПСС, можно сделать чёткий и однозначный вывод о том, что именно этим высшим органом советского

военно-политического руководства было принято решение о физической ликвидации Хафизуллы Амина и организации государственного переворота в ДРА. Конечно, здесь нет ни одного конкретного указания на данные события. Но перед нами, несомненно, план пропагандистского обеспечения «проводимой акции» в отношении... руководства НДПА и ДРА. Чем была данная «акция», теперь хорошо известно. В этой связи только обратим особое внимание читателя на дату этого документа – 27 декабря...

Кто же мог утром или вечером 27 декабря 1979 года знать о смене в афганском государственном руководстве? О новом генеральном секретаре ЦК НДПА Бабраке Кармале? Смерти (только прогнозируемой или уже состоявшейся) председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Хафизуллы Амина? На что направлено это «пропагандистское обеспечение нашей акции», если не на сокрытие истинного положения дел в «А»? Ведь Советский Союз «не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в руководстве Афганистана...»

2. Ввод советских войск в ДРА

Немного забегаая вперёд, уделим определённое внимание вводу советских войск в Афганистан. При этом сразу оговоримся, что описание данных событий будет делаться схематично: так можно более чётко представить общий фон, на котором проходила операция по осуществлению государственного переворота в ДРА и штурму дворца Х. Амина силами спецназа ГРУ Генштаба и КГБ СССР с привлечением ряда армейских войсковых формирований. Итак...

13 декабря была сформирована оперативная группа министерства обороны СССР (далее «ОГ МО»), первоначально её работой руководил генерал армии С.Ф. Ахромеев. 14 декабря ОГ МО прибыла в город Термез и приступила к своей деятельности. Несколько позднее её возглавил маршал Советского Союза С.Л. Соколов. Под его непосредственным руководством оперативной группы МО СССР, начиная с середины декабря, ускоренными темпами начал формироваться экспедиционный контингент советских войск для последующего ввода на территорию ДРА. В дальнейшем он, по предложению тогдашнего министра обороны СССР маршала

Советского Союза Д.Ф. Устинова, станет именоваться «ограниченным контингентом советских войск в Афганистане» (ОКСВА). Хотя, конечно, истории до сих пор не известны контингенты войск «неограниченные».

Новый посол СССР в Кабуле Ф.А. Табеев заблаговременно предупредил главу ДРА Хафизулла Амина о принятии высшим руководством КПСС и Советского Союза решения об оказании военной помощи правящему режиму в форме ввода своих войск на территорию Афганистана. Х. Амин как верховный главнокомандующий вооружёнными силами страны дал соответствующие указания генеральному штабу ДРА по обеспечению взаимодействия и оказанию всяческой помощи командованию вводимой группировки советской армии. С этой целью, в частности, только 25 декабря 1979 года командующий 40-й общевойсковой армией генерал-лейтенант Юрий Владимирович Тухаринов, занимавший до этого должность первого заместителя командующего войсками ТуркВО, дважды проводил рабочие встречи в Кундузе с афганским руководством.

В непосредственной близости от границы действия советской стороны согласовывались с начальником оперативного управления генерального штаба ВС ДРА генерал-майором Бабаджаном. Здесь также находился один из близких родственников Хафизуллы Амина, являвшийся личным представителем генерального секретаря НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра Афганистана.

23 декабря в Кабул прибыла оперативная группа, которую возглавлял заместитель командующего советских ВДВ генерал-лейтенант Н.Н. Гуськов. Эта группа должна была осуществлять руководство переброской частей воздушно-десантных войск. На неё же возлагалась задача по управлению всеми имеющимися силами советских войск в Кабуле при осуществлении государственного переворота в Афганистане (в зависимости от того или иного варианта действий). Очевидно, что организационное ядро этой ОГ и сам генерал Н.Н. Гуськов находились на территории сопредельного государства значительно раньше указанной даты.

25 декабря состоялось совещание ряда руководителей советнических коллективов в ДРА. Проходило оно на аэродроме Хаджи Раваш. В ходе этого мероприятия были поставлены

задачи по обеспечению спокойствия в вооружённых формированиях кабульского гарнизона, то есть по нейтрализации афганских воинских частей в период ввода советских войск. При этом особое внимание уделялось работе советских военных советников и специалистов в войсках противовоздушной обороны ДРА.

Им ставились задачи не только по проведению «разъяснительной» работы с подсоветными командирами афганских воинских частей, но и по обеспечению прямого контроля над всеми зенитными средствами. В частности отдавались распоряжения по временному выведению некоторых комплексов ПВО с боевого дежурства путём снятия прицелов, замков от артиллерийских систем и так далее. Не были упущены из вида и вопросы контроля над местами хранения боеприпасов от зенитных установок различных систем. С чем, собственно говоря, военные советники и специалисты в дальнейшем без особых затруднений справились. Это обеспечило безопасную и бесперебойную посадку сил советских воздушно-десантных войск в Кабуле и Баграме.

Информация к размышлению

Документ МО СССР
«СЕКРЕТНО»

Главнокомандующему Военно-воздушными силами
Командующему войсками Туркестанского военного округа
Командующему Воздушно-десантными войсками

Копия:

Главнокомандующему Сухопутными войсками
Главнокомандующему войсками ПВО страны
Начальнику Оперативной группы Генерального штаба
(г. Термез)

«Переход и перелёт государственной границы Демократической Республики Афганистан войсками 40-й армии и авиации ВВС начать в 15.00 25 декабря с.г. (время московское).

Д. Устинов
№ 312/1/030
25.12.79 г.»

В соответствии с приказом министра обороны СССР в 15.00 по московскому времени (в 18.00 по местному) 25 декабря 1979 года официально был начат ввод советских войск на территорию ДРА. Он осуществлялся вплоть до конца января 1980 года. В итоге группировка советских войск в ДРА стала состоять из управления и штаба 40-й общевойсковой армии с частями обеспечения и обслуживания, 4 дивизий (трёх мотострелковых и воздушно-десантной), 5 отдельных бригад, 4 отдельных полков, 4 полков боевой авиации, 3 вертолётных полков, 1 бригады материального обеспечения, 1 трубопроводной бригады, ряда других частей и органов военно-административного управления.

В этот период советским войскам под командованием генерал-лейтенанта Ю.В. Тухаринова удалось взять под контроль ряд ключевых районов Афганистана и совместно с армией ДРА обеспечить охрану большинства административных центров (21 провинциального, многих уездных и волостных). Под охраной и обороной ОКСВА и вооружённых сил ДРА стали находиться многие жизненно важные государственные и военные объекты, в том числе аэродромы (Кабул, Баграм, Шинданд, Кандагар, Кундуз, Джелалабад, Гардез, Герат, Файзабад) и основные автомобильные магистрали: Хайратон – Кабул; Кушка – Герат – Кандаган; Кабул – Джелалабад; Пули-Хумри – Кундуз – Файзабад. Под охрану советских воинских частей были взяты и важнейшие народно-хозяйственные объекты советско-афганского сотрудничества (газопромыслы Джаркудук и Шибарган, электростанции Суруби, Наглу, Пули-Хумри, Кабул, туннель на перевале Саланг, заводы в Мазари-Шарифе, Герате и т.д.). Была обеспечена надлежущая защита советских гражданских советников и специалистов, работавших на этих объектах, а также членов из семей.

Отметим, что в совершенно секретной директиве № 312/12/001, подписанной министром обороны СССР Д.Ф. Устиновым и начальником Генерального штаба ВС СССР Н.В. Огарковым, которая была направлена в войска 24 декабря 1979 года, определялись задачи на ввод и размещение советских войск на территории ДРА. Здесь в частности говорилось: «С учётом военно-политической обстановки на Среднем Востоке последнее обращение правительства Афганистана рассмотрено положительно. Принято решение о вводе

некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах страны, на территорию Демократической Республики Афганистан в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для воспрещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств...»¹

Однако в этой директиве никаких задач по ведению боевых действий против формирований внутренней афганской оппозиции и тем более отражению возможной «внешней агрессии» не ставилось (?!)... Это обстоятельство свидетельствует о том, что высшим советским руководством, в том числе и военным, первоначально допускался мирный или менее кровопролитный вариант развития данных событий. И, как бы там ни было, факт остаётся фактом – советские войска были введены 25 декабря 1979 года на территорию ДРА, не имея перед собой задач на ведение боевых действий с отрядами вооружённой афганской оппозиции. Эти задачи будут поставлены только 27 декабря 1979 года в директиве № 312/12/002 министра обороны СССР маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова.

Первыми сухопутную границу Афганистана пересекли разведчики 108-й мотострелковой дивизии под командованием генерал-майора Константина Александровича Кузьмина и десантно-штурмовой батальон под командованием капитана Л.В. Хабарова. Частям этой дивизии ставилась задача: войдя форсированным маршем на территорию Афганистана, занять временные пункты дислокации в районах Доши, Пули-Хумри, Кундуз и Тулукан. Однако в ходе марша задача была изменена и к утру 28 декабря 108-я мсд сосредоточилась северо-восточнее Кабула. Очевидно, изменение отданного ранее 108-й мсд приказа было связано со стремлением советского руководства «подстраховать» действия спецназовцев и десантников при осуществлении государственного переворота в афганской столице. Однако, как показали дальнейшие события, в этом необходимости так и не возникло: спецназ ГРУ Генштаба и КГБ СССР, а также десантники со своими задачами справились успешно.

1 А.А. Ляховский. «Трагедия и доблесть Афгана». – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 134.

Информация к размышлению

Документ ПУ ТуркВО
«СЕКРЕТНО»

Докладная записка Политуправления ТуркВО

«...В населённом пункте Ташкурган воинов дивизии тепло встречали жители, в том числе женщины и дети. Они охотно вступали с ними в разговоры, задавали вопросы, принимали от советских военнослужащих сувениры. В процессе беседы выяснилось, что местное население знало о прибытии советских войск и в целом к нашей братской интернациональной помощи относится положительно. Всего в беседах принимало участие около 300 человек.

26 декабря в городе Пули-Хумри проведён митинг боевого содружества, на котором присутствовали советские воины и воины 10-го пехотного полка 20-й пехотной дивизии ДРА... В своих выступлениях афганские военнослужащие благодарили советских воинов за интернациональную помощь и выражали готовность к сотрудничеству.. Афганские воины скандировали лозунги советско-афганской боевой дружбы...

г. Ташкент,
28 декабря 1979 г.»

В ночь с 27-го на 28 декабря на западном направлении на территорию Афганистана была введена 5-я гвардейская мотострелковая дивизия под командованием гвардии генерал-майора Ю.В. Шаталина. Ранее это соединение было развёрнуто и провело боевое сколачивание в районе Тахта-Базара и Кушки. Части 5-й гв. мсд были выдвинуты и расположились южнее Герата и в Шинданде. В дальнейшем зона ответственности этого соединения была расширена до Кандагара.

Одновременно с начавшимся вводом советских войск через сухопутную границу силами военно-транспортной авиации стала производиться переброска по воздуху личного состава и техники воздушно-десантных войск. В этой операции приняли участие 103-я (Витебская) гвардейская

воздушно-десантная дивизия под командованием гвардии генерал-майора Ивана Фёдоровича Рябченко и 345-й гвардейский отдельный парашютно-десантный полк гвардии подполковника Н.И. Сердюкова. При этом большая часть 345-го гв. опдп была переброшена в ДРА ещё до начала официального ввода советских войск. Так, в частности, судя по некоторым источникам, второй парашютно-десантный батальон и разведывательная рота этого полка были передислоцированы в ДРА не позднее 14 декабря.

Посадка самолётов ВТА осуществлялась на аэродромах Кабул и Баграм. В этой связи любопытно отметить, что запрета на международные рейсы дано не было. И многие ожидавшие своего вылета из афганской столицы иностранцы на смотровой площадке аэропорта могли наблюдать реальное боевое десантирование посадочным способом частей и подразделений советских ВДВ. В течение 47 часов (первый самолёт приземлился в 16.15 25 декабря, а последний – в 14.30 27 декабря) 343 самолёто-рейсами в Афганистан были доставлены 7700 человек личного состава, 894 единицы боевой техники и 1062 тонны различных грузов. Один самолёт Ил-76 ВТА (командир – капитан В.В. Головчин) при заходе на посадку потерпел катастрофу, погибли находившиеся на его борту лётный экипаж и десантники (более сорока человек). Это произошло в условиях плохой видимости, когда в кабульском аэропорту уже темнело.

Следует заметить, что только 26 декабря командованию 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии была конкретизирована задача по действиям в Кабуле. А именно: до 19.30 27 декабря части и подразделения 103-й гв. вдд должны были выдвинуться для «охраны» важнейших военных, административных и специальных объектов афганской столицы (к зданиям генерального штаба, внутренних дел, связи, центрального комитета Народно-демократической партии Афганистана и т.д.). Эти задачи по «охране и обороне» объектов десантниками были незамедлительно выполнены, чем, собственно говоря, и был обеспечен полный контроль советских войск над центрами афганского политического, военного и гражданского руководства страной и её вооружёнными силами.

Как следует из воспоминаний ряда участников тех событий, прибытие советских десантников в Кабул и Баграм, их выдвижение к намеченным целям не осуществлялось «вслепую». В этой связи стоит привести воспоминания бывшего командующего российскими ВДВ генерал-полковника Георгия Ивановича Шпака, который в ту бытность командовал 350-м гвардейским парашютно-десантным полком 103-й гв. вдд. А говорил он о следующем: «Первый раз я пересёк границу Афганистана в сентябре 1979 года в составе группы генералов и офицеров ВДВ, которые прилетели для рекогносцировки предстоящих событий. В течение недели мы изучали ситуацию, маршруты возможного выдвижения. Я убеждён, что эта рекогносцировка во многом предопределила успешные действия советских войск в декабре 1979 года»¹. Получается, что уже в сентябре 1979 года, очевидно, сразу после свержения Н.М. Тараки, стали прорабатываться различные варианты отстранения от власти Хафизуллы Амина. Хотя, конечно, речь тогда могла идти только о вводе советских десантников в Кабул и Баграм без каких-либо силовых акций.

Чтобы читателю можно было представить, как, начиная с 27 декабря 1979 года, в основном происходило блокирование афганских частей советскими воинскими формированиями, а также нейтрализация военными советниками руководства ряда афганских учреждений и организаций, приведу два характерных примера.

Так из рассказа полковника, бывшего в декабре 1979 года советником начальника военного авиационно-ремонтного завода в Баграме, можно узнать следующее: «Нас, советских, было на этом заводе всего двое: я и советник главного инженера. И вот мы по нашим советническим каналам получаем информацию, что наши войска вошли в Афганистан и перед нами ставится задача разоружить личный состав этого завода!!! Да они бы нас голыми руками задушили. Вызываю директора завода, афганского полковника. Объясняю ему – так, мол, и так. Я понимаю, что приказ глупый, но надо что-то делать, как-то выполнять. Смотрю, он потемнел лицом. Но сдержался. Мы с ним в хороших отношениях были,

---

¹ Шпак Г.И. Тогда я был командиром 350-го. – «Солдаты России», февраль 2004. №2. С. 2-3

чисто по-человечески. Он немного подумал, потом сказал: «Ты не вмешивайся, я сам». Собрал своих офицеров, долго о чём-то с жаром спорили, потом все сдали оружие»¹.

Бывший военный советник при 4-й танковой бригаде ВС ДРА полковник В.Г. Салкин так вспоминал о тех событиях: «Вечером, приблизительно в 18.30 (27 декабря 1979 года. – *Примеч. В.К.*), к командиру бригады капитану Ахмаду Джану поступила команда ввести один батальон в город. Я и советник командира бригады полковник Пясецкий в это время постоянно находились рядом с командиром. Тот отдал приказ командиру первого танкового батальона привести батальон в состояние полной боевой готовности, заявив, что приказ о выходе батальона будет отдан позже. Личный состав, получив приказ, буквально ринулся к танкам. Моментально взревели танковые двигатели. Первый батальон был готов к действиям. Пясецкий время от времени смотрел на часы, ожидая новых команд бригаде. В 19.10 Виктор Николаевич сам попросил Ахмада Джана связаться со своим командованием и уточнить указания по выходу батальона в город. Однако командир не смог позвонить из-за отсутствия связи (примерно в 19.15 диверсионно-разведывательной группой КГБ был взорван «колодец связи». – *Примеч. В.К.*).

Убедившись в отсутствии связи, В.Н. Пясецкий посоветовал командиру проконтролировать состояние телефонного провода на территории бригады. Срочно был вызван взвод связи, и солдаты начали тщательно проверять состояние кабеля. На это ушло примерно около 30 минут.

...Неожиданно четыре БМД на полном ходу сбили ворота военного городка и, не снижая скорости, окружили здание штаба бригады. Из первой машины вышел советский капитан. Он вошёл в здание, представился, отозвав в сторону Пясецкого, переговорил с ним, затем достал фляжку со спиртом и предложил выпить. Капитан, обращаясь к командиру бригады, заявил, что в городе неспокойно и выход бригады в город нежелателен. Командир, посоветовавшись, дал команду «отбой» первому батальону...»²

1 Пасько В.В. Ночь забытых песен. – К. – Тернополь: Збруч, 1999. С. 19.

2 А.А. Ляховский «Трагедия и доблесть Афгана». – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 147.

Конечно, не всё 27 декабря 1979 года проходило так гладко, как хотелось. Некоторые объекты, на которые были нацелены советские десантники, приходилось брать с боем. Бывший военный журналист Александр Александрович Колотило со временем так рассказал об одном из подобных эпизодов: «В 1980 году в Афганистане я был старшим лейтенантом, ответственным секретарём редакции газеты 103-й воздушно-десантной дивизии «Гвардеец». Позже исполнял обязанности главного редактора... 103-ю воздушно-десантную дивизию подняли по тревоге поздно вечером 10 декабря 1979 года. Через несколько дней прибыли на аэродромы «подскока». Сеща, Балбасово, Балхаш, Ташкент, Чимкент... Первые дни мы не знали, куда летим: в Афганистан или Иран. А потом мне сказал гвардии полковник Станислав Андреевич Тимошенко: «Выдали карты Кабула». Значит, Афганистан.

Первый эшелон приземлился в Кабуле 25 декабря, последний – 27-го. А вечером захватывали объекты. Для меня афганская «эпопея» началась на аэродроме в Баграме. Со стороны могла показаться красивой картина плавно летящих в ночи трассеров, вспышек и зарева пожара на позиции зенитной батареи, которую атаквали наши ребята. Трудно было поверить, что это не ночные учения с боевой стрельбой, а начало девятилетней войны.

В Баграме всё закончилось минут за 20–30. Батарею и отдельные сопротивляющиеся огневые точки уничтожили, лётчиков захватили и разоружили – ценные специалисты нужны были будущему правительству живыми»¹.

Эти события нашли своё отражение и в самостоятельном творчестве. В частности из песни «Десантникам тревогу объявили» одного из родоначальников этой самобытной военной песенной культуры Юрия Кирсанова можно узнать следующее:

В ту ночь пришёл сигнал в казарму к нам -
Десантникам тревогу объявили.
И нас уже ведут по кораблям,
Маршрут давно на карте проложили.

---

1 Колотило А.А. В перерывах между боями выпускали «Гвардеец». – «Солдаты России», февраль 2004. № 2. С. 4.

Впервые мы не взяли парашют,
Зато рюкзак патронами набили.
Сигнал «Пошёл!», сирену не дают
И рампу для прыжка нам не открыли.

В ночи летит могучий караван,
Поверх людьми и техникой набитый.
Сказали нам — летим в Афганистан
Спасать народ, Амином с толку сбитый.

И шесть часов прошли, как пять минут,
Хотя идём согласно расписанью.
Нас полосы огни к себе зовут,
И караван заходит на посадку.

Нам на раздумье время не дано,
Оружие своё готовим к бою.
Войну видали только лишь в кино,
А здесь придётся жертвовать собою.

Слух режет скрежет танков об асфальт.
В Кабул машины с грохотом ворвались.
Под их напором крошится базальт,
И горы грозным гулом отозвались.

И этот гул пройдёт по всей стране,
Словно сигнал убийцам — трепещите.
Ваш прах осядет пылью на броне,
Пощады у десанта не просите.

И рухнул неприступный бастион,
Где власть держалась прочная веками.
И разлетелся в прах Амина трон
Под русскими гранёными штыками.

Разумеется, приведён здесь текст самодеятельной песни Ю. Кирсанова, написанной вскоре после событий декабря 1979 года, не для того, чтобы оценить его художественные достоинства или недостатки. В контексте нашего повествования он прежде всего ценен тем, что наглядно

иллюстрирует отражение в сознании рядового участника афганского похода советской армии того, зачем «десантникам тревогу объявили» и как «рухнул неприступный бастион» Амина и его компании «под русскими гранёными штыками». Говоря иначе, в словах этой песни на бытовом уровне ярко отразилась точка зрения официальной советской пропаганды тех лет, касавшейся разъяснения смысла ввода контингента войск СССР в Афганистан и уничтожения руководства ДРА в лице Хафизуллы Амина.

Последней (четвёртой) советской дивизией, введённой на территорию ДРА и вошедшей в состав 40-й общевойсковой армии, была 201-я гвардейская мотострелковая дивизия, ранее дислоцировавшаяся в Душанбе. Это соединение под командованием гвардии полковника В.А. Степанова приступило к мобилизации вечером 24 декабря, а к исходу 28 декабря оно было сосредоточено в районе Термеза. 201-я гв. мсд в последующем после проведения боевого сколачивания и доукомплектования её кадровым составом из частей Группы советских войск в Германии и Центральной группы войск была введена в Афганистан в конце января 1980 года. Впрочем, это произошло уже после осуществления государственного переворота в ДРА и штурма дворца Тадж-Бек, ставшего кульминационным событием этой новейшей исторической драмы.

3. Объект «Дуб» общим планом

Как отмечалось ранее, первоначально резиденция главы ДРА находилась в бывшем королевском дворце Арк или в «Доме народов» («Доме народа»), как его ещё называли, располагавшемся в центре Кабула. В одной из комнат этого бывшего дворца афганских монархов во время Саурской (Апрельской) революции (военного переворота) 1978 года был застрелен президент Республики Афганистан М. Дауд, в другой – задушен президент Демократической Республики Афганистан Н.М. Тараки. И хотя новый диктатор ДРА Хафизулла Амин не слыл человеком суеверным, способным на какие-нибудь сантименты, но, очевидно, ему, да и членам его семьи было не совсем комфортно круглосуточно присутствовать в комплексе правительственных зданий, имевшем такую печальную историю.

Впрочем, для перемены места официальной резиденции главы афганского государства в декабре 1979 года были и другие, куда более прозаичные и серьёзные основания. Первыми из них, разумеется, стоит полагать соображения личной безопасности Х. Амина, режим единоличной власти которого к этому времени начинал основательно трещать по швам. Как ранее сообщалось, с мнимыми и реальными заговорщиками и оппозиционерами афганский диктатор расправлялся без каких-либо нравственных колебаний и с изощрённой восточной жестокостью.

Следствием отстранения от власти представителей господствующих классов, разгона прежнего аппарата чиновников и офицерства, массовых репрессий в отношении «парчамистов» и «халькистов» из числа приверженцев Н.М. Тараки, против всех неугодных и подозреваемых стал рост рядов внутренней афганской оппозиции. В ту бытность невозможно было назвать число граждан ДРА, которые вполне справедливо полагали Хафизулла Амина своим личным врагом: их ряды постоянно множилось.

Именно из этого произрастали неоднократные, с каждым разом усиливавшиеся просьбы и мольбы Х. Амина об оказании его режиму срочной помощи путём ввода советских войск на территорию Афганистана. Мотивировались они прежде всего «фактами внешней агрессии», но никак не внутренними причинами. Однако вряд ли в действительности могла идти речь о какой-либо интервенции против ДРА со стороны его соседей: у Ирана и Пакистана без того проблем хватало. Тем не менее Х. Амин, как до этого его предшественник, «друг и учитель» Н.М. Тараки, каждый раз при обращениях к советскому руководству ссылался на существование такой мифической угрозы. Но своих врагов режим НДПА плодил сам и в самом афганском обществе.

Осознавая шаткость своего положения, Хафизулла Амин приказал переоборудовать под его личную резиденцию дворец Тадж-Бек, находившийся на окраине Кабула и представлявший собой грозную оборонительную цитадель. Впрочем, подготовительные работы здесь начались ещё в бытность Н.М. Тараки. Перезд Амина и его семьи из дворца Арк на новое место состоялся во второй половине декабря.

А.А. Ляховский датой этого события полагает 20 декабря¹. При этом понятно, что как создание системы охраны и обороны Тадж-Бека, так и передислокация в его район бригады афганской гвардии (охраны) были проведены заблаговременно до этого перемещения.

Кстати, сам этот дворец в последующем в некоторых публикациях называют «Дар-уль-аман» (М.Е. Болтунов), что, очевидно, связано с его нахождением недалеко от столичного проспекта Дар-уль-Аман. В других изданиях его также именуют «Таджибеком» (В.И. Аблазов, Г.П. Корж). Однако, принимая во внимание устоявшуюся за последние годы практику, в тексте данного издания будем обозначать главный объект штурма советского спецназа в Кабуле 27 декабря 1979 года как «дворец Тадж-Бек» или «дворец Х. Амина». Впрочем, при цитировании мнений конкретных авторов полагаем правильным сохранять употребляемые ими названия.

Тадж-Бек изучался по всем каналам поступавшей в распоряжение советского командования информации. Эта работа проходила по линиям КГБ и ГРУ, привлекались к ней возможности советского дипломатического аппарата, военных и гражданских советников и специалистов. При этом использовались возможности агентурной, визуальной и других видов разведки. В целях конспирации резиденция главы ДРА обозначалась как объект «Дуб». Это название первоначально относилось ко дворцу Арк. Однако для удобства изложения материала оставим его и для Тадж-Бека, который также в то время определялся как «объект №1».

Во внимание здесь бралось практически всё, что в той или иной степени было связано с объектом «Дуб». Исследовались оборонительные возможности дворца, система его охраны, связи и коммуникаций. Изучались поэтажное расположение и назначение помещений здания, силы и средства аминовской личной гвардии, афганской бригады охраны, других войсковых и полицейских частей, привлекавшихся к охране и обороне высшего руководства ДРА. Брались во внимание возможности других афганских частей и подразделений, находившихся в непосредственной близости от дворца и способных прийти на помощь оборонявшейся стороне.

---

¹ Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 136.

К проведению этой работы ещё в июле-сентябре 1979 года были привлечены оперативные сотрудники КГБ СССР из состава группы «Зенит-1», хотя в то время резиденция главы афганского государства во дворце Тадж-Бек не размещалась, а сам Хафизулла Амин таковым не являлся. Очевидно, руководители Комитета госбезопасности уже тогда допускали возможность неблагоприятного для Советского Союза сценария развития событий в Афганистане. А, может быть, делали это на всякий «пожарный» случай. Ведь как свержение режима короля Захир Шаха, так и отстранение от власти М. Дауда они вместе с резидентурой военной разведки по большому счёту проспали.

По прибытии в Кабул «мусульманский» батальон спецназа ГРУ разместился примерно в километре от дворца Тадж-Бек. Для этого ему было предоставлено одно из недостроенных зданий афганской бригады гвардии (охраны) главы ДРА. Личный состав 154-го отряда спецназа ГРУ Генштаба, а также прибывшие с ним под видом «инженерно-технической группы» бойцы из спецформирований КГБ СССР «Зенит» и «Гром» немедленно приступили к обустройству своего расположения и жилищ. К этому советских военнослужащих поторапливала и афганская зима, выдававшаяся в том году необычайно суровой. По ночам столбик термометра опускался до минус двадцати и даже тридцати градусов мороза по Цельсию.

Со временем установили двухъярусные кровати, поставили печки-«буржуйки», пустые оконные проёмы загородили плащ-палатками, получили шерстяные одеяла из верблюжьей шерсти и таким образом хоть как-то обустроили своё временное пристанище. Параллельно занимались организацией и несением карульной службы и службы в боевом охранении, приводили в порядок боевую технику и вооружение.

21 декабря 1979 года главный военный советник СССР в Афганистане С.К. Магомедов вызвал к себе старшего офицера ГРУ Генштаба полковника В.В. Колесника, командира 154-го ооСпН майора Х.Т. Холбаева и отдал приказ – усилить охрану дворца подразделениями «мусульманского» батальона. Тогда «мусбату» предписывалось занять оборону в промежутке между постами охраны и линией расположения афганских батальонов.

В то время как личный состав «мусульманского» батальона спецназа ГРУ Генштаба и бойцы спецподразделений КГБ СССР, ещё не получив конкретных задач на предстоящую операцию, занимались подготовкой к ведению боевых действий, происходили и другие события.

Руководство советского Министерства обороны и Комитета госбезопасности, а также их представители непосредственно в афганской столице разрабатывали детальные планы свержения правительства Х. Амина, по просьбе которого (!?) советские дивизии уже были готовы врезаться своими броневыми клиньями в территориальное пространство своего южного соседа. Непосредственное руководство этими действиями из Москвы осуществлял начальник Генерального штаба Вооружённых Сил СССР маршал Советского Союза Н.В. Огарков, а в Кабуле – главный военный советник генерал-полковник С.К. Магометов совместно со специальным представителем КГБ СССР (в ряде источников его также именуют резидентом КГБ в ДРА. – *Примеч. В.К.*) генерал-лейтенантом госбезопасности Б.И. Ивановым.

Первоначально предполагалось использовать 154-й отдельный отряд спецназа ГРУ не только для захвата основного объекта – дворца Тадж-Бек, но и для обеспечения контроля над центральными административными зданиями Генштаба ВС ДРА, МВД, службы безопасности, кабульских аэродрома и узла связи, другими важнейшими военными и гражданскими центрами. В дальнейшем эти планы были подкорректированы в связи с более правильной и здоровой оценкой афганских сил и средств, задействованных на охрану дворца Х. Амина.

Дело в том, что сам дворец Тадж-Бек, находившийся на господствующей высоте, представлял собой настоящую крепость. К трёхэтажному зданию, массивные стены которого были способны выдерживать удары современной артиллерии, штурмовым группам подойти незамеченными было практически невозможно. Все подступы к дворцу-крепости были заминированы, а единственная ведущая к ней дорога проходила по серпантину, опоясывавшему пологие склоны возвышавшейся над местностью высоты (порядка шестидесяти метров над прилегающей местностью. – *Примеч. В.К.*). К этому следует добавить хорошо продуманную и устроенную

не без помощи советских советников из Девятого управления КГБ СССР¹ и других советских военных специалистов фортификационную систему обороны, в том числе вкопанные на направлениях наиболее вероятного нападения противника танки, а также блок-посты охраны, преграждавшие подступы к резиденции афганского диктатора.

Относительно системы охраны и обороны резиденции Х. Амина генерал-майор А.А. Ляховский писал: «Система охраны дворца Тадж-Бек организована тщательно и продуманно. Внутри дворца несла службу личная охрана Х. Амина... Жили они в непосредственной близости от дворца в глинобитном строении, рядом с домом, где находился штаб бригады охраны... Вторую линию составляли семь постов, на каждом из которых располагалось по четыре часовых, вооружённых пулемётом, гранатомётом и автоматами. Смена их производилась через два часа (очевидно, «через каждые два часа». – *Примеч. В.К.*). Внешнее кольцо охраны образовывали пункты дислокации батальонов бригады охраны (трёх мотопехотных и танкового). Они располагались вокруг Тадж-Бека на небольшом удалении. На одной из господствующих высот закопаны два танка Т-54, которые могли беспрепятственно прямой наводкой простреливать из пушек и пулемётов местность, прилегающую ко дворцу. Всего в бригаде охраны насчитывалось около 2,5 тыс. чел. Кроме того, неподалёку располагался зенитный полк, на вооружении которого находилось двенадцать 100-мм зенитных пушек и шестнадцать зенитных пулемётных установок (ЗПУ-2), а также строительный полк (около 1 тыс. чел., вооружённых стрелковым оружием). В Кабуле были и другие армейские части – две дивизии и танковая бригада»².

К этому, пожалуй, стоит добавить, что орудия и пулемётные установки указанного А.А. Ляховским зенитного полка были приспособлены для ведения огня как по воздушным, так и по наземным целям. А бойцы из подразделения

1 Управление, занимавшееся охраной особо важных объектов и государственных деятелей. Речь идёт о советниках из данного подразделения при охране Х. Амина.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 132.

личной охраны главы государства, состоявшие в основном из родственников Х. Амина, и афганской бригады гвардии (охраны) представляли собой отборные и проверенные войска, личный состав которых получал особое жалование и привилегии, недоступные подавляющему большинству жителей по сути нищей страны.

В то же время не следовало сбрасывать со счетов присутствие в Кабуле крупного афганского военного гарнизона, насчитывавшего, по некоторым оценкам, порядка 30 тысяч штыков¹. Действие этих войск в ответ на сообщение о государственном перевороте в Афганистане было трудно предсказать.

Однако решение об устранении Х. Амина уже было принято высшим советским политическим руководством, и военным людям приходилось только повиноваться, чтобы исполнить его чётко и с наименьшими потерями.

4. Состав сил и средств обороны Тадж-Бека

Суммируя и анализируя различные источники информации, общий состав сил охраны и обороны резиденции главы ДРА Хафизуллы Амина, расположенных во дворце Тадж-Бек и в непосредственной близости с ним, можно представить примерно следующим образом:

1. Рота личной гвардии (охраны) или рота телохранителей Хафизуллы Амина была укомплектована его родственниками и особо доверенными лицами. Кроме чисто охранных функций на неё возлагалась роль роты почётного караула главы ДРА. В публикациях и воспоминаниях, связанных со штурмом дворца, указывается разная численность этого воинского формирования, состоявшего непосредственно при афганском диктаторе (на третьем этаже Тадж-Бека и в «глинобитном строении, рядом со штабом бригады охраны»). А.А. Ляховский утверждал, что в день штурма непосредственно во дворце Тадж-Бек было около 100-150 бойцов-телохранителей Х. Амина². Бывший командир роты «мусбата»

1 Огрызко В.В. Указ. соч. – С. 6.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 148.

В.С. Шарипов, сражавшийся на подступах и в самом здании Тадж-Бека, в своих воспоминаниях утверждал, что «дворец обороняло около 200 гвардейцев»¹. А.А. Береговой также сообщал о «200 гвардейцах, имевших на вооружении автоматы, пулемёты и ручные гранаты»². Такую же численность дворцовой охраны указывал М.Е. Болтунов, который писал, что «дворец защищало около двухсот отменно вооружённых и отлично обученных гвардейцев»³. Офицер бывшего ПГУ КГБ В. Братерский данную цифру поднял до 300 человек⁴, явно завышая численность охранников, находившихся в здании Тадж-Бека во время его штурма.

Должно быть, часть гвардейцев-телохранителей осталась во второй казарме (караульном помещении) подразделения, находившейся в непосредственной близости к Тадж-Беку. Ведь, по ряду свидетельств очевидцев, из здания казармы «роты личной охраны Х. Амина» по спецназовцам вёлся интенсивный пулемётный и автоматный огонь. Это происходило как во время дальнейшего ночного штурма, так и некоторое время после него. Хотя, скорее всего, у телохранителей Х. Амина была одна казарма (на третьем этаже Тадж-Бека), а в «глинобитном строении, рядом со штабом бригады охраны» размещались свободные от несения службы смены караула (смены семи постов вокруг дворца). Впрочем, это только предположение.

Сегодня трудно достаточно точно указать численность личной гвардии Х. Амина, непосредственно задействованной в событиях 27 декабря. Тем не менее если при оценке сил этого подразделения будем исходить из минимального расчёта, тогда выйдет, что количество гвардейцев, непосредственно оборонявшихся во дворце, достигало 100–150 человек. Однако было бы не совсем правильным полагать, что в обороне Тадж-Бека приняли участие только солдаты и офицеры роты личной охраны Хафизуллы Амина. Поэтому к указанному нами числу гвардейцев, оборонявшихся в здании

1 Шарипов В., Лёгкий П. Операция «Шторм». – См.: Указ. соч. С. 114.

2 Береговой А. Указ. соч. – С. 13.

3 Болтунов М.Е. Указ. соч. – С. 64.

4 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 150.

Тадж-Бека, стоило бы присовокупить штат личных адъютантов, офицеров связи и канцелярии главы государства Х. Амина, а также других высших должностных лиц ДРА, прибывших на торжественный приём к диктатору, и офицеров их свит (связи). Исходя из этого, общее число сил дворцовой охраны и обороны достигнет 150 или даже 200 человек.

2. Бригада охраны (гвардии) Х. Амина состояла из трёх мотопехотных и одного танкового батальонов. Пункты дислокации подразделений этого соединения образовывали внешнее кольцо охраны дворца Тадж-Бек. Командовал бригадой майор Джандад, который одновременно был и старшим порученцем главы ДРА. В своё время этот офицер афганской гвардии окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, хорошо владел русским языком, хотя при общении с советскими офицерами старался скрыть данный очевидный факт.

Напомним, что, по мнению генерал-майора А.А. Ляховского, эта афганская бригада охраны (гвардии) насчитывала в своих рядах около 2500 солдат и офицеров. Однако руководитель операции «Шторм-333» В.В. Колесник, упоминая в своих мемуарах о 2500 афганских солдатах и офицерах, оборонявших Тадж-Бек, имел в виду общий состав трёх воинских формирований ДРА (роты личных телохранителей Х. Амина, бригады гвардии и зенитного полка). Для того чтобы как-то выйти из указанного нами противоречия в словах А.А. Ляховского и В.В. Колесника, попытаемся предположить, что организационная структура афганской бригады охраны (гвардии) или, по крайней мере, входящих в её состав мотопехотных и танкового батальонов, в той или иной степени соответствовала штатам военного времени аналогичных подразделений советской армии.

Сделать такое предположение позволяют ряд фактических обстоятельств. И в частности то, что афганская армия 1970-х годов в значительной мере строилась по образцу и подобию армии своего северного соседа. К тому же при высшем афганском командовании, начиная с правления Захир Шаха, всегда хватало советских военных советников и специалистов, которые при решении вопросов организационной структуры соединений, частей и подразделений армии

сопредельного государства, исходили из необходимости следовать советским аналогам. И более того, техника и вооружение данных афганских мотопехотных и танкового батальонов были в основном советскими. А при организации частей и подразделений любой армии в значительной мере исходят именно из тактико-технических возможностей (характеристик) имеющихся в наличии образцов бронетехники и оружия.

Таким образом, если организация мотопехотных батальонов афганской бригады охраны (гвардии) в основном соответствовала штатам советских мотострелковых батальонов (штаты на БМП-1 и на БТР-60ПБ), развёрнутых до численности, предусмотренной в военное время, тогда в каждый из них входило более 500 человек. Относительно расчёта количества единиц техники можно предположить, что их было порядка 31–40 бронеобъектов, к чему следует добавить 10–20 автомобилей на каждый батальон. Но это, как уже отмечалось, исходя из минимального расчёта.

Теперь несколько слов относительно организации и численного состава танкового батальона бригады охраны (гвардии). В данном случае за основу наших расчётов возьмём штаты танкового батальона советского танкового полка и танкового батальона советского мотострелкового полка на танках Т-54. Тогда получается, что в танковом батальоне афганской бригады охраны (гвардии) должен быть 31 танк (по четыре человека в составе экипажа) в первом случае и 40 танков – во втором случае. Сюда же следует присовокупить управление батальона, а также подразделения боевого обеспечения и тыла. Их чего выходит, что численность танкового батальона бригады охраны (гвардии) составляла примерно 220 человек.

Несмотря на то что указанного ранее количества единиц техники (31 или 40 танков. – *Примеч. В.К.*) не называлось ни в одних воспоминаниях очевидцев или последующих исследователей, именно таковой должна была быть ориентировочная численность бронемашин танкового батальона афганской бригады охраны (гвардии). При этом следует иметь в виду, что вне пункта дислокации танкового батальона находилось порядка 10–20 танков, то есть около половины состава этого подразделения. Так, в частности,

они были в окопах перед дворцом Тадж-Бек, в расположениях мотопехотных батальонов и придавались ряду других формирований охраны. Здесь же напомним, что в своих расчётах мы старались исходить из допустимого минимума.

Конечно, за исключением трёх мотопехотных и танкового батальонов в этом афганском войсковом соединении были свои управление, штаб, подразделения боевой поддержки, обеспечения и тыла. При этом мы должны сделать определённую поправку на то, что речь всё-таки идёт не о «чисто» мотопехотной (мотострелковой) бригаде как таковой, а о некоем охранном формировании. Поэтому общее число личного состава подразделений боевого обеспечения в афганской бригаде охраны (гвардии) должно было быть значительным: здесь могли находиться собственно охранные роты, формирования полевых штаба и канцелярии, а также связисты главы афганского государства. Так, в своих воспоминаниях «Операция по захвату дворца казалась невысказанной» генерал-майор В.В. Колесник называет также наличие в составе этого соединения миномётной батареи (роты) и пулемётной роты¹.

Соединив указанные ранее исходные данные, получаем, что численность бригады охраны (гвардии) должна была составлять более 2000 человек. Впрочем, это теоретическое предположение. Для того чтобы составить более достоверную картину, следует внести ещё некоторые поправки. А именно: во-первых, мы говорили о численном составе мотопехотных батальонов, полностью развёрнутых до штатов военного времени. Однако достоверной информации о том, как обстояло дело в данном случае, мы не имеем. Во-вторых, даже полностью заполненные штаты воинской части – это ещё не свидетельство того, что все офицеры и солдаты бригады охраны (гвардии) были в день штурма дворца Х. Амина в расположении своих подразделений. Вполне очевидно, что кто-то в это время находился в отпуске или командировке, отсутствовал по болезни и т.д. В-третьих, в афганской армии было традиционным записывать в списочный состав частей и подразделений разного рода «мёртвые души», что позволяло войсковым лихоимцам получать за них дополнительное денежное содержание, продукты и обмундирование.

1 Колесник В.В. Указ. соч. – С. 127.

Конечно, в данном случае речь идёт об элитном воинском формировании, где офицеры и солдаты получали повышенное жалование, да и контроль был строже. Однако, исходя только из этого (элитности), вряд ли стоит делать исключения из указанного ранее общего «правила».

Таким образом, думается, что, приняв во внимание все перечисленные обстоятельства, а также поправки и сомнения к ним, со значительной долей уверенности можно предположить, что численность афганской бригады охраны (гвардии) составляла до 2000 человек, которые были 27 декабря 1979 года во внешнем кольце охраны дворца Тадж-Бек.

3. **Зенитный полк**, по сведениям генерал-майора А.А. Ляховского, находился в близости от дворца Х. Амина и пункта дислокации 154-го отряда спецназа ГРУ ГШ. На вооружении он имел двенадцать 100-мм зенитных пушек и шестнадцать зенитных пулемётных установок (ЗПУ-2). Такое расположение и вооружение афганского зенитного полка подтверждает и В.В. Колесник, уточняя при этом, что шестнадцать зенитных установок представляли собой «спаренные крупнокалиберные пулемёты ДШК». Хотя в других воспоминаниях («Операция по захвату дворца казалась немыслимой») Василий Васильевич упоминал лишь о «двенадцати спаренных пулемётах»¹. Очевидно, в последнем случае имеет место вполне допустимая, с точки зрения прошедшего времени, «ошибка памяти». Ведь в большинстве других воспоминаний генерал-майор В.В. Колесник говорил о шестнадцати ЗПУ-2. На этом настаивал и его заместитель в ту бытность подполковник ГРУ ГШ О.У. Швец, который непосредственно руководил «нейтрализацией» этой афганской воинской части 27 декабря 1979 года².

Сведения о численности личного состава зенитного полка в воспоминаниях участников событий и публикациях последующих исследователей весьма существенно разнятся. Тем не менее, если попытаемся взять во внимание конкретные образцы вооружения, а также минимальное число солдат и офицеров, необходимое для его обслуживания, получим, что численность личного состава афганского зенитного

1 Колесник В.В. Указ. соч. – С. 128.

2 Швец О.У. Указ. соч. – С.192.

полка, занимавшего свои позиции 27 декабря 1979 года в районе дворца Тадж-Бек, не должна была быть ниже 500 человек.

4. Строительный полк, по данным А.А. Ляховского, насчитывал около тысячи солдат и офицеров, вооружённых стрелковым оружием. Полк находился неподалёку от дворца Х. Амина и мог оказать противодействие спецназу в ходе проведения штурма Тадж-Бека и захвата здания генштаба ВС ДРА. Об этой афганской воинской части также упоминал О.У. Швец¹. Однако о данном формировании В.В. Колесником ничего конкретного не сообщалось. Не отражено его расположение и на карте-схеме к воспоминаниям «Как был взят дворец Амина» руководителя операции «Штурм-333». Из чего следует, что, если такая военно-строительная часть в действительности даже и находилась в районе Тадж-Бека, то её боевые возможности на практике не принимались во внимание при планировании и осуществлении спецназом штурма дворца и блокирования подразделений бригады его охраны.

Более того, в воспоминаниях большинства других участников данной боевой операции тысячный строительный полк, «вооружённый стрелковым оружием», также обойдён предметным вниманием. Ничего не сообщается о каком-либо участии этой афганской воинской части в противодействии проведению спецназом штурма дворца Тадж-Бек. Поэтому нам представляется возможным предположить, что сведения об этом афганском военном формировании ошибочны. В любом случае, как мы об этом уже говорили ранее, никакого влияния на ход операции «Штурм-333» этот афганский военно-строительный полк не оказал. Поэтому вряд ли стоит учитывать его в составе реальных сил охраны и обороны Тадж-Бека.

5. Отдельные посты охранения (в некоторых источниках их ещё называли «отдельными постами полка жандармерии»), по словам автора книги «Трагедия и доблесть Афгана» генерал-майора А.А. Ляховского, составляли вторую линию обороны дворца Тадж-Бек. Их количество достигало семи. На каждом из них находилось по четыре часовых, вооружённых пулемётами, гранатомётом и автоматами, смена производилась по двухчасовому графику. Вместе с этим на карте-схеме В.В. Колесника обозначено только четыре таких поста.

---

¹ Там же.

Из воспоминаний очевидцев событий следует, что первый пост, преграждавший путь к дворцу Х. Амина третьей роте 154-го отряда спецназа ГРУ ГШ, которой командовал в ту бытность старший лейтенант В.С. Шарипов, был уничтожен разведчиками по ходу движения колонны. Второй пост, находившийся рядом с танками в окопах около Тадж-Бека, был захвачен группой под руководством заместителя командира «мусульманского» батальона капитана М.Т. Сахатова. Третий и четвёртый посты выпали на долю «зенитовцев» и группы спецназа ГРУ лейтенанта Р.Т. Турсункулова, вышедших к зданию Тадж-Бека на бронетранспортёрах с тыла («со стороны кухни»). При этом третий пост особо не мешал продвижению спецназовцев, а четвёртый был в секторе прямого огня зенитно-артиллерийской группы на ЗСУ 23х4 «Шилка».

Исходя из сказанного ранее, а также заявленного нами методического подхода, выражающегося в минимизации сил охраны и обороны Тадж-Бека, полагаем более правильным придерживаться точки зрения генерал-майора В.В. Колесника, сообщавшего в своих воспоминаниях о четырёх отдельных постах охранения Тадж-Бека. Хотя при этом не исключено, что три других, указанных А.А. Ляховским, внешних поста охраны дворца в силу тех или иных обстоятельств могли просто-напросто оказаться вне внимания или, точнее, воздействия нападающей стороны.

6. **Танки** в окопах перед дворцом Х. Амина – это небольшой, но самостоятельный вопрос. Как мог обратить внимание читатель, генерал-майор А.А. Ляховский утверждал о наличии в системе обороны Тадж-Бека двух танков Т-54, «которые могли беспрепятственно прямой наводкой простреливать из пушек и пулемётов местность, прилегающую ко дворцу»¹. Впрочем, в новом издании книги «Трагедия и доблесть Афгана» он в одном месте сообщает о наличии на ближайших подступах к Тадж-Беку двух танков, а в другом – трёх². В свою очередь генерал-майор В.В. Колесник писал о трёх танках, «зарытых за дворцом». Соответственно столько же их было обозначено рядом с объектом «Дуб» на пояснительной

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 132.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана/2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль: ООО ТФ «НОРД», 2004. С. 247, 255.

карте-схеме, иллюстрировавшей его воспоминания «Как был взят дворец Амина». В свою очередь А.П. Береговой так же, как и руководитель «Шторма», сообщал: «Слева и справа от дворца на удалении не более одного километра размещались позиции двух батальонов охраны. Перед дворцом стояли три закопанных в землю танка и ещё по 4 танка стояли в расположении батальонов охраны»¹.

С другой стороны, «громовец» Павел Климов рассказывал о своём личном участии в захвате двух танков, «находящихся в прямой видимости из дворца»². При этом говорил он и о составе данной группы захвата. В неё, судя по воспоминаниям П. Климова, входили два бойца «Грома», включая самого рассказчика, два «зенитовца» и «два танковых экипажа из «мусульманского» батальона, по пять человек во главе с офицерами»³. В этой связи сразу уточним, что штатный экипаж Т-54 включает в себя не пять человек, как говорил об этом П. Климов, а четырёх танкистов (командир, механик-водитель, наводчик-оператор и заряжающий).

Впрочем, с этими людьми (с группой капитана М.Т. Сахатова) нужно было не только составить новые танковые команды, но и осуществить захват самого объекта. При этом следовало помнить, что от потерь в боевой обстановке никто не застрахован. С этой точки зрения, несколько увеличенный количественный состав группы захвата двух афганских танков объясняется вполне логично. И несколько алогично в данной связи выглядят слова В.В. Колесника о двенадцати разведчиках группы заместителя командира 154-го отряда спецназа Сахатова, выделенных для захвата «трёх» танков, «закопанных у дворца». Ведь если строго исходить из этих слов Василия Васильевича, в состав группы захвата входило четверо комитетчиков (два снайпера и два пулемётчика), не входивших в состав сформированных из личного состава «мусульманского» батальона танковых экипажей. А из восьми оставшихся солдат и офицеров 154-го отряда спецназа ГРУ ГШ можно было бы сформировать только два экипажа, но никак не три. Поэтому сообщение руководителя операции

1 Береговой А. – Указ. соч.

2 См.: Болтунов М.Е. Указ. соч. – С. 73.

3 Там же. – С. 67.

«Шторм-333» о трёх танках в окопах перед дворцом Тадж-Бек, пожалуй, следует отнести на счёт «ошибки памяти».

Таким образом, говоря о числе афганских танков в окопах перед Тадж-Беком, более правильно, с нашей точки зрения, придерживаться мнения о наличии здесь двух бронееквивалентов. Тем более что к этому нас подвигают и ряд других косвенных сообщений, относящихся к данному вопросу.

7. Другие силы кабульского гарнизона при планировании и проведении операции «Шторм-333» также брались во внимание. Ведь действия этих войск в ответ на сообщение о государственном перевороте и очередной смене руководства Афганистана было трудно спрогнозировать точно. А по некоторым оценкам, они достигали 30 тысяч солдат и офицеров. На вооружении здесь имелось 250 танков, 150 боевых машин пехоты и бронетранспортёров, а также немалое число самолётов и вертолётов. К этим воинским формированиям следовало бы присовокупить силы царандоя (полиции) и афганских органов государственной безопасности.

Подводя некоторые итоги сделанного нами анализа, следует констатировать, что состав и численность афганских сил охраны и обороны Тадж-Бека на 27 декабря 1979 года можно представить следующим образом:

- рота личной гвардии (охраны, почётного караула) или рота телохранителей Х. Амина, а также его адъютанты, офицеры связи и другие – не менее 150 человек;
- бригада охраны (гвардии) главы ДРА – до 2000 человек;
- зенитный полк – не менее 500 человек.

При этом в расчёт не брался личный состав строительного полка, отдельных постов охраны (блок-постов) и некоторых других подразделений (экипажи танков, закопанных перед дворцом Х. Амина и т.д.).

Количество бронееквивалентов, имевшихся в составе сил охраны и обороны Тадж-Бека, можно оценить примерно следующим образом:

- боевых машин пехоты (БМП-1) и различных видов бронетранспортёров – до 100 единиц;
- танков – не менее 31 единицы.

Таким образом, исходя из приведённого нами анализа, следует, что численность афганских сил обороны Тадж-Бека составляла порядка 2500 тысяч человек. При этом непосредственно во дворце Х. Амина находились не менее 150 гвардейцев из роты личной охраны диктатора, а также здесь были другие афганские военнослужащие.

5. Кто руководил «Штурмом»?..

Руководство операцией под кодовым названием «Штурм-333», было возложено на старшего офицера направления спецназа ГРУ Генштаба Вооружённых Сил СССР полковника В.В. Колесника, а его заместителями стали подполковник ГРУ ГШ О.У. Швец и генерал-майор госбезопасности Ю.И. Дроздов. На последнего в этот период возлагалась задача по руководству действиями спецформирований КГБ СССР «Гром» и «Зенит», а также обеспечению их взаимодействия с другими подразделениями, задействованными в данных событиях.

Информация к размышлению

Из личного дела

генерал-майора госбезопасности
Дроздова Юрия Ивановича

Родился в 1925 году. Великую Отечественную войну встретил воспитанником Харьковской артиллерийской спецшколы. В последующем окончил 1-е Ленинградское артиллерийское училище и был направлен в действующую армию, воевал в подразделениях артиллерийской разведки. После войны окончил Военный институт иностранных языков МО СССР. С 1957 года находился на нелегальной разведывательной работе в Западной Европе (Германия), был советским резидентом по линии КГБ в Китае и США. В октябре 1979 года вступил в должность начальника управления «С» (нелегальная разведка) Первого главного управления (внешняя разведка) КГБ СССР. В декабре 1979 года генерал-майор Ю.И. Дроздов стал заместителем руководителя операции «Штурм» по руководству группами спецназа Комитета госбезопасности, в результате которой в Афганистане был

осуществлён государственный переворот. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении специального задания в Кабуле, указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 года Дроздов Юрий Иванович награждён орденом Октябрьской революции.

Практически сразу по завершении операции «Штурм» он выступил инициатором создания, а в последующем и непосредственным организатором группы специального назначения КГБ при Совете Министров СССР «Вымпел» (1981 г.), сформированной для проведения спецопераций за пределами Советского Союза в особый период и в случае войны. Ю.И. Дроздов отмечен многими государственными наградами Советского Союза и ряда иностранных государств, является ветераном Службы внешней разведки РФ, автором мемуаров «Записки начальника нелегальной разведки», «Штурм-333» и ряда других публикаций.

Для того чтобы более чётко разобраться с вопросом о руководстве, заметим, что генерал-майор Ю.И. Дроздов в последующем рассматривал своё личное участие в операции «Штурм» исключительно с позиций выполнения «оперативного задания», то есть в части использования сил спецназа госбезопасности для физической ликвидации Х. Амина. Однако сама данная операция предусматривала применение не только спецформирований КГБ СССР «Гром» и «Зенит», а прежде всего таких войсковых структур, как 154-й отдельный отряд специального назначения ГРУ ГШ и подразделения воздушно-десантных войск из состава 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка.

Таким образом, фактически, в данном случае имела место организация общевойскового боя, составным элементом которого являлся, говоря языком армейского спецназа, «налёт» на Тадж-Бек или, выражаясь в соответствии с терминологией воздушно-десантных войск, «захват объекта в тылу противника», то есть захват того же дворца Х. Амина. И, более того, даже после осуществления «оперативной» (специальной) составляющей «Штурма» её участникам в случае неблагоприятного развития ситуации следовало быть готовыми к отражению возможных танковых и иных атак кабульского гарнизона, а также других верных режиму Х. Амина воинских

частей и подразделений. Поэтому, приняв во внимание вышеперечисленные обстоятельства, становится более понятным, почему руководителем операции «Штурм-333» был назначен армейский полковник из направления специальной разведки ГРУ Генштаба В.В. Колесник, а не генерал-майор КГБ СССР Ю.И. Дроздов (при всём нашем уважении к последнему). К тому же Василий Васильевич был выпускником высшего общевоинского командного училища и военной академии имени М.В. Фрунзе, командиром соединения спецназа ГРУ Генштаба, знал и подбирали личный состав «мусульманского» батальона, готовил этих людей для выполнения специального задания в ДРА.

Впрочем, есть и ещё одна версия данного назначения, которая в принципе не противоречит ранее изложенным обстоятельствам. А состоит она в том, что, назначая полковника Колесника руководителем данной боевой операции, большие начальники (С.К. Магометов, Б.И. Иванов и другие) фактически выбирали «крайнего», «стрелочника», если хотите, – на случай неблагоприятного исхода событий. Ведь в сравнении с армейским полковником В.В. Колесником генерал-майор госбезопасности Ю.И. Дроздов был, несомненно, фигурой менее уязвимой.

Однако в большинстве комитетских изданий и в книгах авторов, воспроизводящих («подтверждающих») чекистскую точку зрения, в качестве руководителя «Штурма» обычно указывается генерал-майор КГБ Ю.И. Дроздов. Так, например, в выходных данных альманаха «Вымпел» (1999, № 3/11) сообщается: «Дроздов Юрий Иванович – легендарный разведчик, резидент в Китае и США, двенадцать лет руководил нелегальной разведкой СССР, создал группу специального назначения «Вымпел», руководил операцией «Штурм-333» по взятию дворца Амина в Кабуле»¹. Подобного рода утверждения до того стали привычными, что они и ныне не сходят с экранов телевидения и со страниц периодических изданий.

Очевидно, для того чтобы окончательно разобраться в этом вопросе, нужно предоставить слово самому Юрию Ивановичу, который так вспоминал о своём назначении или,

---

1 См. на тыльной стороне обложки.

точнее, переназначении на Тадж-Бек: «24 декабря 1979 года с одним из генералов советнического аппарата я побывал на объекте, в овладении которым должен был принять непосредственное участие. Это был один из наиболее сложных объектов предстоящей операции, что требовало личной и детальной рекогносцировки. В тот же день я впервые оказался в комнате на первом этаже посольства, где работала группа генерала С.К. Магомедова. Мы вошли туда вместе с В.А. На нас не обратили внимания. В.А. здесь знали. В комнате стоял штурм, галдёж. Все говорили о сложности овладения объектом, о невозможности сделать всё незаметно, внезапно. Через плечо одного из генералов я посмотрел на поднятую карту с обстановкой. Рельеф местности представлял из себя форму бутылки, горловину которой закрывала высота с дворцом Тадж-Бек.

– Почему невозможно? – сказал я. – Надо войти в бутылку и всё начать оттуда.

На меня внимательно посмотрели.

– Генерал Лебедев, – представил меня В.А.

К исходу дня мне объявили, что в Центре принято решение перебросить меня на объект Тадж-Бек.

Видимо, после моего ухода из этого кабинета ещё раз всё обсудили, доложили в Москву, а так как любая инициатива наказуема, то исполнение поручили мне. Так я стал *одним из* (*курсив. – В.К.*) руководителей операции «Штурм-333»¹. Здесь же обратим внимание на дату этого указанного генерал-майором Ю.И. Дроздовым события – исход суток 24 декабря 1979 года. До штурма Тадж-Бека оставалось два с лишним дня.

В своих воспоминаниях «Как был взят дворец Амина» В.В. Колесник в этой связи чётко и недвусмысленно даёт следующие разъяснения по данному вопросу: «...Собрав нас вновь, Магомедов (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) объявил, что мой план утвердили и я назначен руководителем операции»². Несколько далее он пишет: «Вместе со мной в батальон прибыл и генерал Дроздов, который был назначен моим заместителем по руководству группами спецназа КГБ»³.

1 Дроздов Ю. И. «Штурм-333». – Альманах «Вымпел», 1999, № 3. С. 32.

2 Козлов С. и др. Спецназ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны. 3-е изд. М., 2002. С. 106.

3 Там же. – С. 107-108.

Такую же точку зрения Василий Васильевич высказал в своих мемуарных записках «Штурм» в Кабуле» в альбоме «Спецназ»: «Когда через некоторое время я доложил свой план, Магомедов (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) с Ивановым переглянулись, объявили перерыв. Пригласив нас вновь, Магомедов сказал, что мой план утвердили и я назначен руководителем операции»¹. И далее: «После этого мы с моим заместителем по руководству группами спецназа КГБ генералом Дроздовым отправились в отряд, чтобы поставить задачи участникам предстоящего штурма»². Такое положение дел подтверждает и другой заместитель руководителя «Штурма» в ту бытность подполковник ГРУ Генштаба О.У. Швец³.

Теперь, разобравшись с вопросом о руководстве операцией по штурму дворца Х. Амина, пожалуй, можно вернуться к проблемам состава действующих лиц «Штурма» и планирования операции.

6. Приданные и поддерживающие

Среди приданных и поддерживающих 154-й отряд спецназа ГРУ ГШ временных и штатных боевых формирований были не только бойцы спецназа КГБ СССР из отрядов «Гром» и «Зенит». Руководитель операции по взятию дворца Х. Амина генерал-майор В.В. Колесник среди таковых называл и десантников. В данном случае речь идёт прежде всего о парашютно-десантной роте под командованием гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина. Но правильно ли говорить о том, что в ходе проведения операции «Штурм-333» советские ВДВ были представлены одним этим подразделением? Для того чтобы ответить на данный вопрос, попытаемся провести небольшой анализ различных источников информации по интересующей нас проблеме.

В книге В.Ю. Марковского и В.В. Мильяченко «Афганистан: война разведчиков» утверждается: «Общая численность батальона, прозванного «мусульманским», составила

1 См.: Указ. альбом «Спецназ». – С. 44.

2 Там же. – С. 45.

3 Швец О.У. Указ. соч. – С. 192-193.

538 человек, а его командиром назначили майора Л.Т. Халбаева (так в тексте. – *Примеч. В.К.*), отозванного с обучения на Высших офицерских курсах «Выстрел»¹. А несколько далее здесь же имеется следующая информация: «Его (154-го ооСпН. – *Примеч. В.К.*) бойцам и офицерам предстояло совместно действовать с группами КГБ «Зенит» и «Гром», а непосредственно перед операцией прибыло усиление двумя парашютно-десантными ротами, высадившимися в Кабульском аэропорту»².

Анализируя это сообщение, первоначально было предположено, что авторы указанной ранее книги под второй парашютно-десантной ротой имели в виду подразделение гвардии старшего лейтенанта А. Гуляева из состава 345-го гв. опдп гвардии подполковника Н.И. Сердюкова. Однако эта воинская часть начала прибывать на территорию Афганистана ещё с лета 1979 года, и называть её парашютно-десантные роты только «высадившимися в Кабульском аэропорту» совершенно неправильно. Но если даже допустить подобную гипотезу, то возникает вполне обоснованное сомнение: разумно ли было привлекать к участию в совершенно секретной операции по штурму дворца Х. Амина вновь прибывшие из Союза подразделения?

Очевидно, что нет: причин, обусловивших это, более чем достаточно. Назовём только одну из них, а именно: необходимость различного рода согласований размещения вновь прибывшей парашютно-десантной роты с командованием бригады охраны (гвардии). Ведь в то время «мусбат» формально входил в состав этого афганского соединения и подчинялся его руководству. Что же касается упомянутой нами роты гвардии старшего лейтенанта А. Гуляева, то ей была уготована роль по обеспечению доставки в Кабул из расположения авиабазы Баграм Бабрака Кармаля, сопровождавших его Анахиты Ратебзад и офицеров госбезопасности из группы «А». Однако непосредственного участия в штурме дворца Тадж-Бек данное подразделение (4-я парашютно-десантная рота 345-го гв. опдп) не принимало. Поэтому относить его к числу приданных и поддерживающих «мусульманский» батальон в ходе проведения штурма дворца Х. Амина неправильно.

1 Марковский В.Ю., Мильяченко В.В. Указ. соч. – С. 3.

2 Там же. – С. 4.

Рассуждая в целом о точке зрения, высказанной авторами книги «Афганистан: война разведчиков», представляется очевидным, что В.Ю. Марковский и В.В. Миляченко произвольно «увеличили» силы подразделений, приданных 154-му отряду спецназа ГРУ ГШ, ровно на одну парашютно-десантную роту. Относительно подразделения под командованием гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина, которое действительно принимало участие в «Штурме», следует добавить, что авторы указанной нами книги также неправомерно относят его к числу прибывших в Кабул 25–27 декабря, то есть с началом официального ввода советских войск в Афганистан. Исходя из ряда других источников, представляющихся нам более достоверными, парашютно-десантную роту гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина следует полагать входившей в состав 345-го гв. опдп и передислоцированной в ДРА несколько ранее времени начала официального ввода советских войск в эту страну.

Описывая этап планирования и подготовки операции «Штурм-333», генерал-майор В.В. Колесник в своих мемуарах упоминает, что в этот период у него по телефону ЗАС (засекреченной линии связи) состоялся разговор с начальником Генерального штаба ВС СССР маршалом Н.В. Огарковым. Во время этой беседы В.В. Колесник, мотивируя необходимость усиления 154-го отряда спецназа ГРУ ГШ средствами противотанковой обороны, высказал просьбу о придании «мусульманскому» батальону взвода противотанковых управляемых реактивных снарядов (ПТУРС). Как об этом сообщает Василий Васильевич, маршал Н.В. Огарков пообещал выделить в его распоряжение необходимые силы¹. Однако далее руководитель «Штурма» в различных текстах своих воспоминаний сообщает о боевом применении только парашютно-десантной роты гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина. Сведений об использовании взвода ПТУРС «Фагот» в ходе проведения штурма дворца Х. Амина в мемуарах генерал-майора В.В. Колесника не имеется.

В начале изучения данного вопроса представлялось возможным объяснить это либо отсутствием такого подразделе-

1 Цитируется по указ. альбому «Спецназ. 50 лет соединениям и частям специального назначения Вооружённых Сил Российской Федерации. – М.: 2000. С. 44-45.

ния в составе приданных сил, либо его нахождением в резерве и (или) не использованием по боевому предназначению. Тем не менее впоследствии наличие взвода ПТУРС, обозначенного как «взв. ПТУР», мы обнаружили на карте-схеме к статье В.В. Колесника «Как был взят дворец Амина». Из данной схемы следует, что позиции взвода «Фаготов» находились на высоте между расположениями пунктов дислокации «мусульманского» батальона и афганского зенитного полка.

Это при необходимости позволяло советским противотанкистам прикрыть расположение командного пункта 154-го отряда спецназа ГРУ ГШ, а также вести огонь по военному городку первого мотопехотного и танкового батальонов афганской бригады охраны (гвардии). Кроме того, при необходимости взвод ПТУРС «Фагот» мог быть переориентирован и на ведение огня по афганскому зенитному полку. Будучи изначально нацеленным на обеспечение противотанковой обороны, данное подразделение, очевидно, до конца находилось в резерве руководителя операции «Шторм-333». Во всяком случае, конкретных сведений о боевом применении по предназначению в ходе операции по штурму дворца Тадж-Бек приданного 154-му ооспН взвода ПТУРС никем из участников и последующих исследователей не приводится. Относительно принадлежности этого противотанкового подразделения к той или иной воинской части позволим себе сделать твёрдое предположение, что взвод «Фаготов» так же, как и парашютно-десантная рота В.А. Востротина, был из состава 345-го гвардейского отдельного парашюно-десантного полка.

В этой связи приведём весьма любопытное свидетельство офицера госбезопасности А.Т. Рябинина, бывшего «зенитовца»: «В ноябре 1979 года в Кабул был введён «мусульманский» батальон, состоявший из советских военнослужащих – выходцев из республик Средней Азии (командир – майор Х.Т. Холбаев). Как стало известно впоследствии, этому батальону и отводилась главная задача: взять дворец Тадж-Бек, куда переселился с многочисленной охраной Амин. Сотрудники «Зенита» в составе так называемой 6-й роты вошли в этот батальон и также занимались подготовкой к выполнению главной задачи: внезапно и быстро овладеть дворцом. Согласно плану, «зенитовцам» помогала и группа «Гром» (подразделение из «Альфы»). Все военнослужащие были

переодеты в афганскую форму. Я был назначен командиром роты. Однажды для «легенды» даже успел провести смотр и строевые занятия, чем, кстати, остался весьма недоволен майор Холбаев: «строевиками» мы были никудышными»¹.

Конечно, относительно указания времени передислокации 154-го ооСпН в Кабул полковник А.Т. Рябинин несколько ошибается: в столицу ДРА «мусбат» прибыл только в декабре 1979 года. Но в остальном с ним трудно не согласиться. И среди множества воспоминаний других чекистов эти соображения, высказанные А.Т. Рябининым, пожалуй, самые объективные в плане осмысления роли и значения «мусульманского» батальона в последующих событиях. Здесь же обратим внимание на высказанную данным автором реплику: «Сотрудники «Зенита» в составе так называемой 6-й роты (*курсив. – В.К.*) вошли в этот батальон...». Но ведь в 154-м ооСпН было всего четыре роты (три разведывательных роты СпН и «рота оружия»).

Очевидно, даже для прикрытия («легенды») дать статус «5-й роты» (в «мусбате» роты СпН насчитывали по 120 человек. – *Примеч. и курсив В.К.*) немногочисленной штурмовой группе «Грома», которая тянула в лучшем случае на взвод, вряд ли могли. Да и прибыли эти «громовцы» в Кабул уже тогда, когда основная часть отряда «Зенит» там уже находилась. Почему же тогда полковник А.Т. Рябинин говорит о боях «Зенита» в составе «6-й роты» 154-го ооСпН?.. По всей видимости, наиболее приемлемым объяснением этому может служить только то, что под «5-й ротой» тогда условно понимали соответствующее подразделение десантников под командованием гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина, а под «6-й ротой» – сводный штурмовой отряд офицеров госбезопасности из «Зенита» и «Грома». Во всяком случае, когда данная гипотеза принимается за факт, всё в данном вопросе становится на свои места.

Ранее упоминавшиеся внештатные формирования КГБ СССР «Зенит» и «Гром», а также парашютно-десантную роту и взвод ПТУРС «Фагот» из состава 345-го гв. опдп мы определили как приданные и поддерживающие подразделения.

---

¹ Воронов В.В. ОНАЗ – войска особого назначения. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 117.

Однако здесь возникают вопросы: кому они придавались (кого поддерживали)?.. С одной стороны, ответ представляется очевидным – 154-му ооСпН ГРУ Генштаба ВС СССР. Но, со стороны другой, у читателя ранее была возможность обратить внимание, как во многих, если ни в большинстве чекистских изданий, всё это «ставится с ног на голову». Ведь в них утверждается, что «мусульманский» батальон спецназа военной разведки был придан спецгруппам госбезопасности «Гром» и «Зенит». Его, «мусбат», в некоторых комитетских изданиях также называют «батальоном поддержки». Впрочем, делать подобные заявления могут только люди малосведующие в военном деле.

Что в армии понимается под приданными силами и средствами? Речь идёт о подразделениях и частях, поступивших во временное подчинение командиров общевойсковых формирований (подразделений, частей, соединений) для их усиления при решении боевых задач. В свою очередь поддерживающие силы и средства, оставаясь в подчинении своих прямых начальников, назначаются для выполнения боевых задач в интересах (в нашем случае) воинской части, решающей основные задачи в бою (боевой операции).

А теперь давайте вернёмся несколько назад и возьмём за основу следующую посылку полковника А.Т. Рябинина: «...Этому батальону («мусульманскому». – *Примеч. В.К.*) и отводилась главная задача: взять дворец Тадж-Бек, куда переселился с многочисленной охраной Амин. Сотрудники «Зенита»... вошли в этот батальон...» Таким образом, всё как бы становится очевидным. Хотя вопрос можно поставить и несколько по-другому: могли ли спецгруппы КГБ («Гром» и «Зенит») и 154-й ооСпН, действуя раздельно, решить указанную ранее задачу?.. Ответ на это, пожалуй, был бы таков: спецназ госбезопасности – весьма и весьма маловероятно, «мусбат» ГРУ ГШ – да. Быть может, затратив на это большее время, с большими потерями и всё-таки – да!

Почему? Да потому, что спецназ антитеррористический и осназ КГБ СССР к ведению подобного рода боевых действий (операций) никогда не предназначался и не готовился. Соответственно и офицерам-чекистам ни к чему было знать тактику мотострелковых подразделений,

их вооружение, технику и боевые возможности. Этих вооружения, техники, обученных экипажей, специалистов в штатах группы «А» («Гром») и у внештатного «Зенита» не было. Многие офицеры госбезопасности тогда, в декабре 1979 года, только впервые познакомились с такими образцами армейской техники и вооружения, как боевые машины пехоты, бронетранспортёры, «Шилки», «Фаготы», «Малютки» и так далее.

В этой связи вспоминается случай, когда однажды автора этих строк, произнесшего сокращённое название операции по штурму дворца Тадж-Бек («Шторм»), стал весьма ретиво поправлять один из бывалых сотрудников госбезопасности. Мол, правильное название – «Шторм-333» – и только. Пришлось полюбопытствовать, знает ли уважаемый оппонент, почему при отдаче по радиосвязи исполнительной команды в мотострелковых (танковых, самоходно-артиллерийских) частях после произнесения кодового названия боевой операции (команды) принято добавлять три, по большому счёту, любые цифры. Ответа не последовало.

А объясняется это довольно просто: подавая исполнительную команду, командир роты, батальона или полка в соответствии с применяемым кодом произносит условленное слово (например, «Шторм»), а далее – три избранные цифры (например «3-3-3...»). При этом началом исполнения команды является не произнесённое кодовое слово, а последняя из названных в растяжку цифр. Нечто вроде детской считалки: «Приготовиться! Три, четыре... Начали!» И делается это только для того, чтобы добиться одновременного исполнения подразделением или воинской частью соответствующего распоряжения командира (на запуск двигателей, начало движения, открытие огня, развёртывание в ротные колонны и т.д.). Увы, подобных познаний и тем более практики у моего собеседника-чеккиста не было.

И если всё называть своими именами, то во время последующего штурма Тадж-Бека офицеры госбезопасности из состава «Грома» и «Зенита» под предводительством двух своих «взводных» командиров (М.М. Романова и Я.Ф. Семёнова) действовали в качестве рядовых бойцов. Что, собственно говоря, нисколько не умаляет мужества и

отваги, проявленных ими в ходе осуществления «Штурма», ведь в бой они вступили на самом опасном участке и вели его достойно.

При этом напомним, что основная масса «зенитовцев» была оперативными работниками региональных управлений КГБ СССР, прошедшими спецподготовку в Балашихе, а «громовцев» – боевиками, натасканными на выполнение особо сложных силовых спецопераций. И к тому, что им предстояло совершить, они были вполне подготовлены. Думается, что не маловажным фактором здесь являлось и то обстоятельство, что в отличие он срочников-«мусульман» чекисты на тот момент были достаточно взрослыми, уже состоявшимися мужчинами. Им вполне по силам было самостоятельно организовать засаду на Х. Амина, его подрыв, отравление или что-нибудь подобное, чему, собственноручно говоря, их учили в «автошколе». Но идти в «психическую» атаку или на штурм Тадж-Бека только со стрелковым оружием?..

В свою очередь 154-й ооСпН, представлявший собой, по сути, усиленный мотострелковый батальон... специального назначения, отработывавший подобные вопросы в подготовительный период, вполне соответствовал намечавшемуся сценарию операции «Штурм-333». У него имелась необходимая боевая техника и вооружение. Его сержанты и солдаты к тому времени не были новобранцами, в военно-профессиональном отношении все они были подготовлены хорошо, владели как минимум двумя смежными воинскими специальностями. Среди офицеров «мусульманского» батальона были как «чистые» спецназовцы, так и мотострелки и даже танкисты, которые в дальнейшем будут задействованы при захвате афганских танков, охранявших дворец Х. Амина.

Очевидно, примерно такие соображения были и у высших чинов Министерства обороны и Комитета госбезопасности СССР, рассматривавших силовой план проведения операции «Штурм-333», определявших состав сил и средств, задействованных в ней, и назначавших её руководителей. Однако об этом более подробно остановимся в нашем последующем повествовании.

7. Планирование операции «Штурм-333»

Как вспоминал генерал-майор В.В. Колесник: «...20 декабря меня вызвал главный военный советник в наше посольство и попросил продумать план захвата дворца Амина. Это буквально потрясло меня: ведь я прибыл сюда, в дружественную страну, для усиления охраны главы правительства, и вдруг – план захвата дворца! Это казалось мне немыслимым. Но вскоре от одного из офицеров охраны Амина мы узнали, что бывший премьер-министр Афганистана Тараки, дружески-доверительно относившийся к СССР, был задушен в ночь на 9 октября 1979 года по распоряжению властолюбивого Амина тремя офицерами его охраны... С геополитической точки зрения, нашей стране, граничащей с Афганистаном, очень важно иметь здесь дружественное лояльное правительство, которое не позволит включить соседнее нам государство в «сферу влияния» одной из стран НАТО. А такая угроза становилась всё реальнее. Эти обоснованные опасения вынудили советское руководство принять решение – устранить режим Амина. Я принялся за разработку плана захвата президентского дворца»¹.

Из приведённого текста следует, что поставленная В.В. Колеснику задача по захвату дворца Тадж-Бек и, таким образом, свержению Х. Амина для него была совершенно неожиданной: он готовился к другому развитию событий, на это нацеливал и своих подчинённых. Относительно даты «подключения» Василия Васильевича к разработке данных планов генерал-майор А.А. Ляховский высказал несколько другие соображения. В книге «Трагедия и доблесть Афгана» он писал, что старшего офицера ГРУ Генштаба В.В. Колесника и командира 154-го ооСпН Х.Т. Холбаева во второй половине 23 декабря вызвал генерал-полковник С.К. Магомедов. После доклада о проделанной работе главный военный советник пригласил их на второй этаж советского посольства

---

¹ Колесник В.В. «Операция по захвату дворца казалась немыслимой». В указ. книге. – С. 126.

в кабинет руководителя аппарата КГБ СССР в Афганистане генерал-лейтенанта Б.И. Иванова. Здесь полковнику В.В. Колеснику и майору Х.Т. Холбаеву было предложено подумать над вариантом действий по захвату Тадж-Бека.

Первоначально предполагалось, что на штурм дворца будет выделена только часть сил «мусульманского» батальона, а оставшиеся его подразделения (две роты и ещё одна рота без взвода) будут задействованы на других объектах. Параллельно с этим советнику командира афганской бригады охраны (гвардии) полковнику госбезопасности из Девятого управления КГБ СССР Попышеву, как человеку знающему и готовившему систему обороны Тадж-Бека, был отдан приказ на подготовку своего варианта действий в данной ситуации.

В этой связи интересно такое заявление, сделанное генерал-майором Ю.И. Дроздовым относительно «информированности» по существу приближающегося «Шторма» со стороны главного военного советника СССР в ДРА генерал-полковника С.К. Магометова: «По свидетельству Магометова, когда он разговаривал (очевидно, 20-22 декабря. – *Примеч. В.К.*) по спецсвязи с Д.Ф. Устиновым, министр обороны спросил его: «Как идёт подготовка к выполнению плана по отстранению от власти Амина?» Но Магометов не знал об этом ровным счётом ничего. Через некоторое время представитель КГБ СССР генерал-лейтенант Б. Иванов, видимо, переговорив с Ю.В. Андроповым, пригласил к себе Магометова и показал ему разработанный сотрудниками КГБ план. Главный военный советник возмутился потом, говоря, что это был не план, а «филькина грамота». Пришлось отрабатывать операцию по захвату дворца заново»¹.

Какие мысли приходят после этой информации генерал-майора Ю.И. Дроздова? Значит, сотрудниками КГБ СССР без уведомления до последнего момента главного военного советника и представителя ГРУ Генштаба ВС СССР разрабатывались планы проведения государственного переворота в ДРА. Причём делалось это с учётом привлечения к штурму дворца Тадж-Бек воинской части Министерства обороны СССР, то есть 154-го ооСпН. Руководитель

¹ Дроздов Ю.И. Как штурмовали дворец Аминаю – В книге: «Батя. Легенда спецназа ГРУ». – С. 112.

аппарата КГБ СССР в ДРА генерал-лейтенант Б.И. Иванов ставит в известность об этом генерал-полковника МО СССР С.К. Магометова только после «утечки информации» от министра обороны Д.Ф. Устинова и согласования данного вопроса лично с председателем Комитета госбезопасности Ю.В. Андроповым...

Должно быть, действительно Юрий Владимирович сразу чувствовал, что из его затеи с Афганистаном «ничего хорошего не выйдет». И дал распоряжение, как писал об этом генерал-лейтенант Л.В. Шебаршин, на уничтожение в архивах совершенно секретных документов КГБ, проливающих свет на его личное участие в этих «мероприятиях».

Утром 24 декабря были заслушаны доклады полковника Попышева, формально подошедшего к этому вопросу («идти в бой предстояло не ему»), и полковника Колесника, детально изложившего план захвата Тадж-Бека и подкрепившего его соответствующими расчётами. При этом Василий Васильевич доказал, что исполнение данного замысла возможно только при условии привлечения к его реализации всего личного состава «мусбата», усиленного подразделениями ВДВ и КГБ. В противном случае соотношение сил нападения и обороны было, как тогда предполагали, 1 к 15 в пользу афганцев. И даже фактор внезапности в этом случае не мог полностью гарантировать успех предстоящей операции. Во второй половине этого дня полковнику В.В. Колеснику и майору Х.Т. Холбаеву сообщили, что батальон будет действовать в полном составе¹. Эту точку зрения А.А. Ляховского на развитие событий подтверждает (точнее, слово в слово повторяет) и генерал-майор Ю.И. Дроздов².

Вечером 24 декабря генерал-полковник С.К. Магометов и полковник В.В. Колесник по засекреченной линии связи переговорили с генералом армии С.Ф. Ахромеевым, который к тому времени находился в Термезе в составе ОГ МО СССР. Первому заместителю начальника советского Генштаба доложили решение на штурм дворца-крепости

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 133-134.

2 Дроздов Ю.И. Как штурмовали дворец Амина. – В книге: «Батя. Легенда спецназа ГРУ». С. 110-114.

Тадж-Бек. После чего были обстоятельно обсуждены детали предстоящей операции. В завершении беседы генерал армии С.Ф. Ахромеев приказал С.К. Магометову и В.В. Колеснику доложить к утру 25 декабря шифром за их подписями решение на проведение штурма дворца Х. Амина. В два часа ночи соответствующая шифротелеграмма была отправлена в центр. С этого момента началась непосредственная подготовка к операции, получившей кодовое наименование «Шторм-333». Её руководителем стал В.В. Колесник, разработавший конкретный план захвата дворца.

План проведения «Штурма» включал в себя нейтрализацию и блокирование подразделений афганской бригады охраны (гвардии), зенитного полка и других подразделений, а также (в случае возникновения таковой необходимости) их огневое подавление и (или) уничтожение. Разумеется, что без выполнения этих «второстепенных» задач нельзя было надеяться на выполнение основной цели, то есть на захват дворца Тадж-Бек и ликвидацию Х. Амина.

Как об этом впоследствии вспоминал в своих мемуарах генерал-майор В.В. Колесник, зенитный полк предстояло захватить инженерному взводу, усиленному двумя расчётами АГС-17 «Пламя». Гранатомётчики должны были отсечь огнём личный состав от средств ПВО на позициях, а сапёры – выйти к орудиям и пулемётным установкам и уничтожить их посредством подрыва. Начальство над этой группой возлагалось лично на заместителя руководителя «Штурма» подполковника ГРУ Генштаба О.У. Швеца.

Заместителю командира 154-го отряда спецназа капитану Мураду Таймасовичу Сахатову, которого в ряде источников именуют славянским именем Михаил, была поставлена задача по захвату танков, вкопанных у дворца. В его группу подбирались бойцы, умеющие водить танки и вести из них огонь, кроме «мусульман»-спецназовцев сюда были привлечены четверо комитетчиков (два снайпера и два пулемётчика). На автомобиле ГАЗ-66 они должны были выдвинуться мимо расположения третьего батальона афганской бригады гвардии и захватить танки в окопах.

Третьей (в некоторых других источниках её именуют первой) роте под командованием старшего лейтенанта В.С. Шарипова и группе спецназа первой разведроты

(командир – лейтенант Р.Т. Турсункулов) необходимо было обеспечить продвижение к дворцу бойцов спецформирований КГБ «Гром» и «Зенит», которым предстояло осуществить непосредственный штурм здания Тадж-Бека совместно с двумя группами 154-го отряда спецназа ГРУ Генштаба. При этом боевым машинам пехоты третьей роты предстояло выдвигаться по серпантину, а бронетранспортёрам взвода первой роты – «напрямую с другой стороны», то есть с тыльной стороны дворца Амина.

Первая (без взвода лейтенанта Рустама Турсункулова) капитана Исмата Кудратова и вторая роты старшего лейтенанта Курбана Амангельдыева из «мусульманского» батальона, а также приданная рота десантников (9-я рота 345-го опдп) под командованием гвардии старшего лейтенанта Валерия Востротина предназначались для блокирования расположения батальонов бригады охраны и предотвращения попыток их выхода из пунктов постоянной дислокации. Двум зенитно-артиллерийским самоходным установкам «Шилка» с получением сигнала о начале операции предстояло открыть массированный огонь по позициям охраны и обороны дворца Тадж-Бек. Две других ЗСУ 23х4 «Шилка» нацеливались на пункт дислокации первого мотопехотного и танкового батальонов афганской бригады гвардии (охраны).

Взвод ПТУРС «Фагот» выставлялся против танкового батальона. Кроме этого часть сил и средств выделялись для защиты командного пункта и в резерв¹. Кроме того, основная часть «роты оружия» (4-й роты «мусбата») также выделялась против танкового батальона афганской бригады гвардии, а командовал этими силами Г.К. Тишаев.

Таким образом, соотношение советских сил нападения к обороняющимся афганским силам было примерно следующим:

- при осуществлении штурма здания дворца Тадж-Бек – 1:2 или даже 3;
- при блокировании подразделений афганской бригады охраны (гвардии) и зенитного полка – 1:4 или к 5.

---

1 Подробнее см.: «Спецназ. 50 лет соединениям и частям специального назначения Вооружённых Сил Российской Федерации. – М.: 2000. С. 44-45.

В связи с приведёнными количественными показателями напомним, что в классической схеме соотношение наступающих сил по отношению к обороняющимся должно быть не менее 3 к 1, но никак не наоборот. В данном случае оно было примерно 1:3, а порой и – 1:5.

Здесь же заметим, что несколько некорректной представляется такая точка зрения, изложенная в книге М.Е. Болтунова «Альфа» – сверхсекретный отряд КГБ»: «Прикинуть соотношение сил (советских и афганских. – *Примеч. В.К.*) не представляло труда. И от прикидок становилось страшно – столь неравные были силы. 24 человека в «Громе», примерно столько же в «Зените». Плюс «мусульманский батальон». Но на него с самого начала возлагались лишь *вспомогательные задачи* (*курсив. – В.К.*). Значит, считай два взвода на такую крепость? А что ещё?»¹ И здесь же, несколько далее: «Две «Шилки» и шесть БМП... Это всё, что выделило родимое Отечество майору Романову (Михаил Михайлович Романов командовал штурмовой группой «Грома». – *Примеч. В.К.*). Знай он точно, что за крепость дворец Амина с охраной почти в двести гвардейцев (это на два-то его взвода) – оцепенел бы от ужаса майор. Любой бы живой (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) человек оцепенел, потому что идти на явную смерть никому неохота»².

И всё-таки было бы несправедливо полагать, что «родимое Отечество» пошло на авантюру «чистой воды», выделив для штурма дворца Тадж-Бек столь малые силы, о которых упоминает М.Е. Болтунов. Тем более, как об этом уже сообщалось, несколько ранее и параллельно с этими событиями в Кабуле и Баграме завершалась высадка частей 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка, шло блокирование ими афганских частей и учреждений, к столице ДРА подходили передовые колонны 108-й мотострелковой дивизии. Проведение штурма дворца Х. Амина было центральным событием государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года, но далеко не единственным.

1 Болтунов М. Указ. соч. С. 56.

2 Там же.

В своей статье «Наваждение Тадж-Бека» А.П. Береговой дал такой общий план этих действий: «Сценарий переворота выглядел следующим образом: в день «Х» бойцы «мусульманского» батальона захватывают генеральный штаб, министерство внутренних дел, тюрьму Пули-Чархи (где содержались тысячи противников Амина), радиостанцию и телефонные узлы, некоторые другие объекты. В то же время штурмовая группа в количестве 50 человек, укомплектованная офицерами спецназа внешней разведки КГБ (Группы «Гром» и «Зенит»), врывается во дворец Амина и ликвидирует диктатора. Одновременно (или даже чуть раньше) на аэродроме Баграм высаживаются две дивизии ВДВ (103-я и 104-я), которые полностью берут под контроль и посылают несколько батальонов в Кабул на помощь «мусульманскому» батальону. Одновременно танки и БТР советской армии начинают вторжение в Афганистан через государственную границу. В общем, именно так всё и произошло»¹.

В свою очередь в альбоме «Вымпел. Группа специального назначения КГБ СССР» присутствует следующая констатация: «Переворот в Афганистане был совершён по всем законам вооружённого захвата власти, разработанным В.И. Лениным. Об этом можно судить хотя бы по подбору объектов воздействия. Их список далеко не исчерпывался дворцом Амина, о котором, в основном, принято говорить. 27 декабря 1979 года отряд «Зенит» действовал в составе 9 групп во главе с наиболее опытными боевыми офицерами: дворец Амина – Я. Семёнов, Царандой (полиция) – Ю. Мельник, Генштаб – В. Розин, КАМ (военная контрразведка) – Р. Шафигулин, тюрьма – Ф. Коробейников, телеграф – В. Овсянников, «колодец» – Б. Плешкунов, почта – А. Пунтус, телецентр – А. Рябинин»².

Как мы видим из двух приведённых точек зрения, офицер спецназа военной разведки А.П. Береговой, говоря о захвате других «второстепенных» объектов, не упоминает о включении в состав групп захвата офицеров «Грома» и «Зенита». В свою очередь авторы комитетского (точнее, «вымпеловского») издания фактически утверждают о чуть ли не единоличном

1 Береговой А. Указ. соч.

2 Указ. альбом «Вымпел». – С. 46.

захвате этих объектов бойцами спецотряда «Зенит». Об участии в этих событиях десантников 103-й гв. ввд и 345-го гв. опдп, военных советников здесь вообще не упоминается.

В чём дело?.. Думается, что на этот вопрос ответ был уже частично дан ранее, когда рассматривались различные источники информации о кабульских событиях 27 декабря, их авторство, время издания, мотивы опубликования и т.д. Конечно, при этом следует чётко понимать, что штурм Тадж-Бека был составной частью общего плана осуществления в ДРА государственного переворота. Что же касается упоминания о «законах вооружённого захвата власти, разработанных В.И. Лениным», так на этом можно остановиться несколько подробнее.

Наш «самый человечный» Ильич по этому поводу ещё 1 октября 1917 года заметил: «Если нельзя взять власть без восстания, надо идти на восстание тотчас...» А также: «Ждать – преступление перед революцией»¹. В данном случае идёт речь о его «Письме к ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам». А далее В.И. Ленин 8 октября пишет свои знаменитые «Советы постороннего» и «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области». Здесь он напоминает сотоварищам следующие основные правила вооружённого восстания, сформулированные ещё Карлом Марксом:

1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твёрдо, что надо идти до конца.

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. Оборона есть смерть вооружённого восстания.

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идёт об одном городе)².

1 Владимир Ильич Ленин. Биография. – М.: ИМЛ, 1960. С. 342-343.

2 См.: Там же.

По мнению В.И. Ленина, взяв за основу эти правила с учётом конкретной обстановки в России, нужно было организовать и провести одновременное, быстрое и внезапное наступление на столичный Питер («извне и изнутри»), создать гигантский перевес революционных сил над контрреволюцией. При этом следовало комбинировать главные силы («флот, рабочих и войсковые части»), чтобы были заняты и удержаны («ценой каких угодно потерь») в первую очередь телефон, телеграф, железнодорожные станции, мосты. Далее В.И. Ленин требовал выделить самые решительные элементы – «ударников», рабочую молодёжь, лучших матросов (читай, «спецназ». – *Примеч. В.К.*) – в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов («для участия их везде, во всех важных операциях»).

Эти ленинские статьи, без всякого сомнения, изучались в высших военно-учебных заведениях каждым советским разработчиком плана государственного переворота в ДРА. Исходя из этого, более понятным становится ход их мыслей в декабре 1979 года, когда при власти в СССР состоял уже другой Ильич («дорогой и горячо любимый»). Ведь было тогда организовано одновременное, быстрое и внезапное наступление на Кабул («извне и изнутри»). Комбинировались главные силы (сухопутные части, в том числе и ВДВ, спецназ, ВВС, военные советники), захватившие главные военно-политические и коммуникационные объекты. Конечно, были и «ударники», то есть спецназ ГРУ Генштаба и КГБ СССР.

Как вспоминал в последующем генерал-майор В.В. Колесник: «План, отработанный на карте, я принёс на подпись Магометову и Иванову. Однако, утвердив план устно, они свои подписи не поставили. Тогда в их присутствии я написал на карте: «План устно утверждён главным военным советником Магометовым С.К. и главным советником КГБ Ивановым Б.И. От подписи отказались», поставил время, дату и свою подпись. После этого мы с моим заместителем по руководству группами спецназа КГБ генералом Дроздовым отправились в отряд, чтобы поставить задачи участникам предстоящего штурма. Никто из исполнителей, кроме нас и Холбаева, не был посвящён в истинные планы, которые нам предстояло осуществить»¹. Таким был план действий по захвату дворца Тадж-Бек, таковой была предыстория его утверждения.

1 Колесник В.В. «Штурм» в Кабуле». В указ. альбоме. – С. 44-45.

8. В чём состояла главная цель штурма?

Чтобы ответить на этот вопрос, сначала предоставим слово генерал-майору госбезопасности Ю.И. Дроздову, который так сообщал о периоде подготовки к осуществлению «Штурма» в Кабуле: «Поздно вечером 26 декабря В.В. Колесник и я вместе с Э.Г. Козловым и О.Л. Швецом (так в тексте; очевидно, имеется в виду О.У. Швец. – *Примеч. В.К.*) ещё раз отработали план операции по объекту Тадж-Бек. Основным замыслом этого плана было решение *главной задачи* (*курсив. – В.К.*) силами двух смешанных штурмовых групп «Гром» и «Зенит», действия которых обеспечивались созданием внешнего и внутреннего колец окружения силами подразделений «мусульманского» батальона и средств огневой поддержки. Особое внимание уделялось вопросам связи и взаимодействия»¹.

В тексте воспоминаний генерала госбезопасности Дроздова слова относительно выполнения силами спецподразделений госбезопасности главной задачи предстоящего штурма выделены курсивом не случайно. Юрий Иванович конкретизирует, что это была за задача, однако это становится очевидным, если принять во внимание ряд следующих обстоятельств, ведь, во-первых, нам известен последующий ход событий, то есть уничтожение в ходе штурма дворца Тадж-Бек Хафизуллы Амина. Во-вторых, мы знаем, что одно из подразделений Группы специального назначения КГБ СССР «А» в это же время выполняло задачу по обеспечению безопасности «нового афганского правительства» во главе с Бабраком Кармалем...

Ни в одном государстве двух правительств не бывает. Это аксиома. Поэтому становится понятным, что генерал-майор Ю.И. Дроздов в данном случае под главной задачей имел в виду не захват и удержание контроля над центром государственного и политического управления ДРА, каковым фактически являлся дворец Тадж-Бек, не пленение афганского диктатора, а его физическое устранение. Ведь пленение Х. Амина и его ближайших сподвижников по террору или

¹ Дроздов Ю.И. «Штурм-333». – «Вымпел», 1999, № 3. С. 34.

революции (это кому, как нравится) в условиях бескомпромиссного штурма было задачей на практике трудно реализуемой. Но и, если бы она всё-таки стала достигнута, сколько б хлопот и «ненужных объяснений» для советской стороны и «нового афганского революционного правительства» это вызвало? Тут уж действительно: нет человека – нет проблемы. Тем более что Политбюро ЦК КПСС, судя по документам о пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении «А», уже постановило 27 декабря 1979 года списать всё это на афганскую междоусобицу.

В публикациях конца 1980-х и начала 1990-х годов было обычным делом говорить о том, что в ходе штурма дворца Тадж-Бек советский спецназ имел целью захват Х. Амина и его ближайшего окружения для последующего «судебного разбирательства в кровавых злодеяниях преступного режима». Весьма показательной в этом плане является книга А.А. Ляховского и В.М. Забродина «Тайны афганской войны», выпущенная в свет московским издательством «Планета» в 1991 году. Её авторы утверждали в частности следующее: «Фактически первой акцией, которую осуществили 27 декабря наши подразделения СПЕЦНАЗ – оказание помощи патриотическим силам и отрядам афганских боевиков в свержении режима Х. Амина. В результате короткого боя при штурме аминовской резиденции в Дарульамане (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) Амин был убит (хотя ставилась задача взять его живым)...»¹ Впрочем, к 1995 году сам А.А. Ляховский эту точку зрения по данному вопросу весьма существенно подкорректировал, заявив, что основной задачей штурма было убийство главы правительства ДРА и лидера НДПА Хафизуллы Амина².

В своих воспоминаниях непосредственные участники кабульских событий 27 декабря 1979 года, как правило, старались особо не заострять внимание на том, что на самом деле было главной целью в ходе осуществления штурма дворца Тадж-Бек – ликвидация (физическое устранение, убийство) Х. Амина или его пленение. Известные сдержанность и деликатность проявляли в этой связи и «профильные» периодические издания. Это, в общем-то, вполне понятно и объяснимо.

1 Ляховский А.А., Забродин В.М. – Указ. соч. С. 51.

2 Ляховский А.А. Указ. соч. – С. 149.

Выстраивая систему доказательств в пользу определённой версии, давайте первоначально попытаемся ответить на ряд вопросов, которые вполне логично возникают перед любым добросовестным исследователем. Думается, что ответить на них сможет всякий мало-мальски подготовленный читатель, а приведённые далее комментарии в значительной мере совпадут с его мнением. Итак...

Вопрос № 1: Если высшее руководство КПСС и СССР уже сформировало при себе новое марионеточное правительство ДРА в лице Бабрака Кармаля и его соратников, зачем ему было нужно другое «действующее» или, говоря иными словами, живое... правительство ДРА во главе с Хафизуллою Амином и его ближайшим окружением?

Ответ: Думается, что, несмотря на весь кажущийся алогизм отдельных действий и решений советского руководства, в них прослеживается определённая последовательность. Когда советским руководством было принято решение о формировании «нового» афганского правительства в изгнании во главе с Бабраком Кармалем, фактически тогда руководители КПСС и СССР подписали смертный приговор Хафизулле Амину, который вряд ли бы согласился в добровольном порядке расстаться с браздами правления страной и партией. Живым Х. Амин не был нужен ни руководству КПСС (СССР), ни «новому» афганскому правительству Б. Кармаля и его со товарищам, ведь таковым, то есть собственно афганским правительством, оно могло стать лишь после устранения Хафизуллы Амина и его ближайших компаньонов по террору.

Вопрос № 2: Как должны были реагировать на события «внутреннего государственного переворота» советские войска, вошедшие в ДРА по просьбе этого главы афганского государства, то есть Х. Амина, если этот переворот направлен против руководителя призвавшего их на помощь? Были ли при такой аргументации ввода советских войск в ДРА смысл и логика в пленении Х. Амина для организации суда над ним?

Ответ: В данном случае представляется очевидным, что советские войска должны были встать на защиту Х. Амина и его министров, ведь ввод ОКСВА неоднократно мотивировался советской стороной наличием многочисленных просьб именно от этого главы афганского руководства. Судить Амина после «реализации его неоднократных просьб»

относительно советской военной помощи было бы верхом идиотизма. Если бы государственный переворот в ДРА и приход к власти «нового» афганского правительства во главе с Б. Кармалем не были инспирированы руководством СССР (Политбюро ЦК КПСС), так им ещё было нужно познакомиться, определить свои позиции относительно правомерности нахождения советских войск в Афганистане и т.д. Действительно, что было делать в ДРА войскам СССР, если их мандат на пребывание в этой стране был фактически аннулирован свержением «законного» инициатора ввода ОКСВА, то есть Хафизуллы Амина?

Вопрос № 3: Штурм дворца Тадж-Бек явился следствием прежних неудавшихся попыток физической ликвидации Х. Амина сотрудниками КГБ и афганской оппозиции (снайперы, «повара узбеки» и т.д.). Это на сегодняшний день представляется очевидным. Какие иные цели за исключением убийства могут иметь подобные действия?

Ответ: Относительно работы снайперов таких целей не обнаруживается явно. В плане действий «поваров узбеков» с большой натяжкой, конечно, можно предположить, что Х. Амина пытались не отравить, а только усыпить. Сопутствующей целью этого последнего из названных действий могло быть стремление деморализовать властное окружение, которое пыталось принять меры по объявлению общей тревоги, организации незамедлительной дополнительной охраны и обороны дворца. Но в подавляющем большинстве источников информации по данному поводу речь шла не о попытке усыпления, а именно об отравлении Х. Амина, что в конечном итоге должно было привести афганского диктатора к летальному исходу. Таких последствий не произошло из-за помощи, оперативно оказанной Хафизулле Амину советскими военными врачами полковниками медицинской службы В.П. Кузнеченковым и А.А. Алексеевым, которые с явным трудом и на небольшой срок сохранили жизнь своему пациенту.

Вопрос № 4: Если целью штурма дворца было не физическое устранение Х. Амина, а его пленение, почему предложений о прекращении сопротивления и сдаче в плен от атакующей стороны в адрес обороняющихся не поступало?

Ответ: Военные люди всё делают по приказу, по команде. Инициатива, проявляемая ими, не может выходить за

рамки общего замысла боевой операции и, тем более, не может противоречить ему. Все без исключения участники штурма дворца Тадж-Бек говорили о бескомпромиссности этого боя, о том, что фактически были поставлены в положение штрафников, если не смертников. И это действительно было так. Малочисленным штурмовым группам спецназа давала некоторое преимущество призрачная надежда на неожиданность, помноженная на выучку и волю к победе. Но предложений о предъявлении обороняющейся стороне ультиматума не было, что следовало бы сделать в случае выдвижения в качестве основной задачи пленение Х. Амина. Из воспоминаний руководителей «Штурма» следует, что подобные варианты развития событий в подготовительный период даже не обсуждались.

Вопрос № 5: Как можно было сохранить жизнь Х. Амина и его министрам в условиях ожесточённого огневого боя, когда никто не застрахован от случайностей? Как это можно сделать при ведении на поражение интенсивного огня из зенитно-артиллерийских систем, различных видов стрелкового оружия, вооружения БТР и БМП?

Ответ: Пожалуй, только одним способом – положиться на удачу. Но тогда, говоря о штурме дворца Тадж-Бек, мы должны чётко себе представлять, что речь в данном случае идёт о совершеннейшей аванюре. Однако операция «Штурм-333» нисколько не покажется ни авантурой, ни сумасшествием, если признать в качестве основной версии утверждение о том, что настоящей и главной целью этого штурма были не захват объекта и пленение Х. Амина, а физическое устранение последнего. Причём исполнение этого решения в случае возможной заминки спецназа в ходе штурма было продублировано многократно. Осознание этих реалий многое составляет на свои места.

Вопрос № 6: Какую задачу выполнял спецназ ГРУ Генштаба и КГБ СССР: тактическую (захват и удержание объекта) или стратегическую (осуществление государственного переворота в Афганистане)? Есть ли смысл и логика в захвате и удержании административного здания силами советского спецназа в столице иностранного государства, если при этом не решаются другие, более существенные задачи?

Ответ: Действительно, в захвате и удержании административного здания, то есть резиденции главы ДРА Х. Амина,

силами спецназа в столице иностранного государства не было никакого смысла. Принятие мер по его освобождению или деблокированию со стороны верных правительственных войск были весьма вероятны. Когда есть глава государства, тогда есть верные ему армейские части и подразделения; нет главы государства – некому эту верность проявлять. В последнем случае немедленно следуют хаос, паника и неразбериха. Руководители армии, сил государственной безопасности и полиции не знают, какие предпринять действия, отсутствует даже первичная информация для принятия каких-либо решений. Глава государства молчит, министры бездействуют, приказы подчинённым не поступают. Потом провозглашается создание нового правительства, назначение нового главы государства, и в обществе наступает период осознания произошедшего. В общих чертах именно так и произошло в Афганистане после того, как силами спецназа ГРУ и КГБ 27 декабря 1979 года был уничтожен кровавый диктатор Х. Амин. Поэтому становится очевидным, что спецназ ГРУ и КГБ выполнял задачу не тактическую (захват и удержание объекта), а стратегическую (политическую), то есть смену руководства правящего режима в Афганистане.

Вопрос № 7: Каковой была задача представителей афганской оппозиции С.М. Гулябзоя и Сарвари, находившихся среди бойцов штурмовых групп и охранявшихся ими? Опознать Х. Амина (живого или мёртвого), либо уничтожить диктатора на основании «приговора», вынесенного ему решением нового Революционного совета ДРА под руководством Б. Кармаля?

Ответ: Вряд ли стоит предполагать, что бойцы «Зенита» и «Грома», рискуя своими жизнями, тащили за собой к дворцу Тадж-Бек афганских оппозиционеров С.М. Гулябзоя, А. Сарвари и обеспечивали их безопасность, только для того, чтобы данные деятели лишь опознали Хафизулла Амина. Для этого вполне достаточно было использовать фотопортреты диктатора, ведь недостатка в этом не ощущалось. К тому же среди спецназовцев КГБ, атаковавших дворец, были люди, которые лично знали Х. Амина по предыдущим своим командировкам в Афганистан. Во всяком случае, таковым был майор госбезопасности Н.В. Берлёв, входивший в состав охраны советского посла Пузанова после захвата и убийства

посла США в ДРА Адольфа Доббса, то есть после 1 марта 1979 года. Зная, как действовал представитель афганской оппозиции в ходе захвата генштаба ВС ДРА (расстрелял Якуба), можно с уверенностью предположить, что такая же роль отводилась Гулябзою и Сарвари в ходе штурма дворца Тадж-Бек. Поэтому очевидно, что именно им вменялось в обязанность объявление Х. Амину смертного приговора, вынесенного «Революционным советом ДРА», и незамедлительное приведение его в исполнение. Такой сценарий вполне устраивал и группу Кармаля, и высшее советское руководство. В результате его воплощения первые становились реальными творцами «нового этапа» Саурской (Апрельской) революции, а вторые – просто-напросто разводили руками. Мол, мы здесь ни при чём, ведь всё произошедшее в Кабуле является делом внутриафганским. Других логичных обоснований присутствия «товарищей» С.М. Гулябзоя и Сарвари среди штурмовых групп советского спецназа трудно найти.

Кроме перечисленных здесь вопросов-ответов есть немало и других прямых и косвенных свидетельств того, что главной целью штурма дворца Тадж-Бек было физическое уничтожение кровавого афганского диктатора, руководившего проведением геноцида против собственного народа. Ведь, несомненно, таковым следует полагать Х. Амина. Или, говоря другими словами (словами Стива Крофорда), целью этого нападения было «политическое убийство главы афганского государства Хафизуллы Амина». Но вряд ли при этом стоит заниматься лицемерием. И какую выбрать формулировку («ликвидация тирана» или «политическое убийство»), пусть определится сам читатель.

В подтверждение высказанных ранее соображений приведём воспоминания бывшего командира штурмовой группы «Зенита» Якова Семёнова, опубликованные в юбилейном выпуске альманаха «Русские коммандос». Здесь освещается эпизод, когда после завершения штурма происходил доклад командованию от спецназовцев КГБ: «Я (Я.Ф. Семёнов. – *Примеч. В.К.*) доложил по радио руководству: «Главный – конец. Имеем потери. Что делать?»¹. В этой связи, пожалуй, стоит заметить, что более чётко и

1 «Русские коммандос», – 1999, №1. С. 44.

недвусмысленно трудно выразить суть выполнения спецназом КГБ боевого (специального) приказа: «Главный – конец...» Или, говоря другими словами, главная задача выполнена.

В отношении других прямых и косвенных свидетельств этого можно сказать следующее. Их вполне достаточно для того, чтобы ещё более конкретно и более доказательно аргументировать данную точку зрения. Таким образом, главной задачей операции «Шторм» следует полагать физическую ликвидацию Х. Амина, то есть решение ключевого вопроса государственного переворота в Афганистане, приведшего к власти в ДРА «здоровые силы в НДПА» во главе с Бабраком Кармалем и его сотоварищами. Очевидно, осознание этих реалий многое расставляет по своим местам.

Вместе с тем приведём и противоположное мнение, автором которого является бывший начальник КГБ СССР В.А. Крючков, заявлявший как в 2003 году, так и несколько ранее буквально следующее: «Подразделения специального назначения Министерства обороны и Комитета госбезопасности в ночь на 27 декабря 1979 года вместе с группой афганцев захватили резиденцию, где находился Амин и его приближённые. Штурм самого здания и территории (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) вокруг него продолжался около часа. В ходе боевой операции Амин был убит, хотя в наши планы входило лишь его задержание (несмотря на то что накануне штурма афганская оппозиция вынесла Амину смертный приговор за совершённые им массовые преступления)»¹.

В связи с приведённым мнением В.А. Крючкова заметим, что в нашем распоряжении достаточно фактов, чтобы сомневаться в правдивости отстаиваемой им версии. Тем более что вряд ли этого автора следует считать «нейтральной стороной» при рассмотрении описываемых событий более чем двадцатипятилетней давности. Всё-таки как-то не вяжутся эти утверждения бывшего начальника ПГУ КГБ СССР (в период описываемых событий) В.А. Крючкова хотя бы с тем фактом, что участников этой боевой (специальной) операции в последующем наградили самыми высшими государственными наградами Советского Союза. Однако, исходя из слов

1 Крючков В.А. Личное дело. – М.: Эксмо, 2003. С. 230.

В.А. Крючкова, получается, что это было сделано за... неисполнение или неправильное исполнение приказа. Возможно ли такое? Конечно, есть старая армейская поговорка, которая звучит примерно так: «Непричастных наградить, невиновных наказать». Однако сомнительно, что в данном конкретном случае имело место подобное. Очевидно, это заявление было сделано В.А. Крючковым для того, чтобы не навлечь на себя «излишней критики». Тогда всё становится на свои места. Но зачем так «унижать» своих бывших подчинённых: мол, они приказ не выполнили точно и в срок.

Забегая несколько вперёд, приведём свидетельство бывшего сотрудника внешней разведки КГБ СССР Валентина Братерского, в последующем вспоминавшего: «Нас было пятеро из ПГУ и две группы по 30 человек, которые и осуществляли операцию. Уникальная группа «Гром», в которую входили классные спортсмены, должна была непосредственно действовать во дворце. Группа «Зенит» – обеспечить подступы ко дворцу. В ней были ребята из балашихинской школы, где готовят спецназовцев... Кармаль обещал, что нас поддержат 500 верных ему боевиков. Завезли для них оружие, гранаты – ждали. Из 500 человек пришёл только один. Была ещё одна группа под началом майора КГБ. В их задачу входило доставить некоторых представителей афганского руководства для подтверждения версии о внутреннем перевороте. Версия же, которая внушалась нам, – Амин связан с американцами, мы получим ещё одного опасного соседа с юга. Никаких документов, подтверждающих эту версию, никогда представлено не было. Мне всё стало окончательно ясно, когда человек, застреливший Амина, сказал мне, что приказ был: живым Амина не брать. Кстати, тогда же в перестрелке был ранен в грудь и скончался сын Амина лет восьми. Я собственными руками перевязывал рану его дочери – её ранили в ногу. Мы оставили дворец, в котором ковры были пропитаны кровью и хлюпали под ногами. Это трудно себе представить...»¹

Несмотря на то что воспоминания В. Братерского содержат ряд существенных неточностей, эти суждения офицера

---

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 149-150.

внешней разведки бывшего КГБ СССР для нас представляют определённый интерес: они дают ответы на некоторые ранее не прояснённые вопросы. И отсюда становится ясно, почему на острие штурма дворца-крепости Х. Амина были именно бойцы спецподразделений КГБ. Это напрямую было сопряжено со смыслом главной цели штурма – не пленением «вождя афганской революции» Хафизуллы Амина, а его физическим уничтожением. Поручить выполнение такого приказа армейцам тогдашние лидеры СССР и КПСС, очевидно, побоялись. И здесь стоит вспомнить, что спецназ КГБ был в значительной мере нацелен на выполнение задач именно политического свойства. А вся разыгрывавшаяся советским руководством в Кабуле комбинация была делом не только межгосударственным (между СССР и ДРА), но и межпартийным (между КПСС и НДПА). С точки зрения советских лидеров из «ленинского политбюро» ЦК КПСС, проведение подобной акции во благо «международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения» было вполне оправдано.

Впрочем, в то время правительства и спецслужбы многих других государств, обладавших значительными геополитическими амбициями (США, Франция, Великобритания и т.д.), с лёгкостью шли на организацию подобного рода переворотов в тех или иных странах Азии, Африки, Латинской Америки. Таковы были реалии в мировой политике того времени. И винить в этом только СССР или исключительно КПСС нелепо. Однако заявления подобного рода вошли в привычку и стали «правилом хорошего тона» после распада Советского Союза. Но ведь и сегодня известная страна продолжает на практике реализовывать принцип «убеждения силой» в отношении своих «неприсоединившихся» соседей или стран, объявленных «осью зла». А что касается кабульских событий декабря 1979 года, так здесь, наверно, стоит припомнить, как всего за несколько месяцев до этого аналогичная боевая (специальная) операция была проведена в Африке силами французских спецслужб и десантников.

Возвращаясь к вопросу о главной цели штурма дворца Тадж-Бек, заметим, что дело здесь состояло не только в различии сфер боевого применения спецназа ГРУ Генштаба и КГБ СССР. Не будем забывать, что все эти события были

окружены особой секретностью, определявшейся известной «деликатностью» проводившейся акции. Сама эта тайна не безуспешно сохранялась и после 1979 года, была окутана разного рода слухами и легендами, до сих пор плодит многие не прояснённые вопросы, ответы на которые ещё не даны и по сей день. Разве можно было доверить это армейскому спецназу, в составе которого были не только профи (офицеры и прапорщики), но и солдаты и сержанты срочной службы, да ещё к тому же мусульмане?..

В подтверждение этого приведём слова бывшего бойца спецгруппы «Зенит» в ту бытность старшего лейтенанта КГБ Сергея Климова: «По «легенде», мы прибыли в Кабул для охраны Советского посольства. Нас поселили на шикарнейшей вилле (все почему-то говорили, что это вилла номер два). Я, естественно, тогда в силу своей занимаемой должности мало что знал. Да, я слышал, что в обиходе наше подразделение называли «Зенитом». Позже познакомился с ребятами, которые жили на другой вилле. Они входили в команду «Гром». Сейчас, конечно, уже не секрет, кто чем занимался. Грубо говоря, «Зенит» занимался своего рода террором, а «Гром», наоборот, специализировался на антитеррористической деятельности. Но это, повторяю, очень грубые определения»¹. Очевидно, несмотря на «очень грубые определения», С. Климову довольно точно удалось подметить будущий характер деятельности в Афганистане спецгрупп КГБ «Гром» и «Зенит».

А как, спросят некоторые читатели, быть с советско-афганским договором «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве» от 5 декабря 1978 года, якобы на основании которого советский воинский контингент был введён в ДРА. Ответ на данный вопрос довольно-таки прост и состоит в том, что указанный ранее договор был всего лишь ширмой для организации советской стороной широкой дезинформационной кампании по прикрытию истинных целей проводимой СССР в отношении Афганистана военно-политической акции. В этой связи следует признать, что данная широкая пропагандистско-идеологическая завеса возымела свои весьма осязаемые результаты как в период до 27 декабря 1979 года, так и после этой даты.

¹ Цит. по указ. книге В.В. Огрызко. – С. 7.

По большому счёту, можно говорить, что и сегодня многие наши соотечественники смотрят на те далёкие события с точки зрения ложных штампов и стереотипов официальной пропаганды, которые были определены постановлением Политбюро ЦК КПСС «О пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана». Очевидно, сказанного ранее вполне достаточно для того, чтобы составить определённое мнение по данному вопросу. Тем более, к этому нам волей-неволей придётся ещё не один раз возвращаться в ходе дальнейшего повествования.

Таким образом, версия о том, что в ходе штурма Тадж-Бека главным считался захват в плен Х. Амина, представляется маловероятной. Однако в нашем общественном мнении именно такой взгляд на происшедшее долгое время служил и в значительной мере до сих пор служит объяснением событий 27 декабря 1979 года. В значительной мере ключом к пониманию этого является хотя бы то обстоятельство, что последующие события вовлекли многотысячный контингент советских войск в участие в боевых действиях на территории ДРА. Для многих и многих наших сограждан Афганистана стал частью их личных биографий, биографий их родных и близких. А нормальному человеку верить в плохое не хочется, связывать себя лично с этим плохим не хочется вдвойне.

В этой связи следовало бы признать, что британский «писатель специального назначения» Стив Крофорд, по большому счёту, прав, говоря о том, что 27 декабря 1979 года в Кабуле на основании приказа высшего руководства СССР советским спецназом было осуществлено политическое убийство. Хотя господин Ст. Крофорд не считает необходимым при этом добавить, что в том далёком декабре в афганской столице силами советского спецназа ГРУ и КГБ был уничтожен Хафизулла Амин – один из жесточайших диктаторов современности, осуществлявший геноцид в отношении своего собственного народа. К тому же господин Ст. Крофорд (в принципе, понятно почему) при изложении своих теорий применяет различные стандарты в отношении аналогичных действий своих

коллег «зелёных беретов» и советского спецназа, который с упорством, достойным лучшего применения, именуется российским.

Досадно, что Стив Крофорд не сумел понять элементарного, что *любая* (курсив. – В.К.) война – это убийство, что любой военный человек – это машина (в идеальном плане) для осуществления убийств по приказу того или иного национального правительства, либо многонационального командования. При этом государственные вожди всех времён и народов всегда жаждут, чтобы солдат исполнял своё ремесло профессионально и без моральных колебаний. На какой стороне (правой или неправой, что по большому счёту весьма относительно, стороне потенциальных победителей или побеждённых) выступает солдат, это далеко не всегда от него зависит, ведь своё отечество, как и свою мать, не выбирают. Воин, офицер, солдат... без нравственных заморочек, неотягощённый избытком интеллекта, напрягающий свои умственные и физические силы только на исполнение приказа командира, не задающий при этом «дурацких» вопросов, – вот мечта любого правителя.

И в истории человечества или на географической карте планеты Земля не стоит искать такой отрезок времени или территорию, где всё было бы устроено по каким-либо другим принципам. Не стоит, потому что таковых вы просто-напросто не найдёте. Но, если вами будет обнаружено нечто подобное, так знайте, что такой режим или правитель продержатся недолго. Поэтому стоит ли, рассуждая на военно-профессиональные темы, одних парней записывать в заведомо плохие, а других – в хорошие? Вряд ли: солдаты войн не начинают. Они их только заканчивают, платя по счетам политиков своих стран весьма дорогой и известной ценой. И пусть простит читатель это небольшое отступление от осязаемого предмета нашего повествования, но без него трудно не только рассуждать о конкретике событий 27 декабря 1979 года, но и делать какие-либо обобщения.

9. Во время подготовки к «Штурму»

Как об этом сообщалось ранее, после прибытия «мусульманского» батальона в район Тадж-Бека главный военный советник СССР в Афганистане генерал-полковник С.К. Магомедов приказал полковнику В.В. Колеснику и майору Х.Т. Холбаеву «усилить охрану дворца». Тогда 154-му ооСпН предписывалось занять оборону в промежутке между постами охраны и линией расположения афганских батальонов. Командование «мусбата» незамедлительно представилось майору Джандату, являвшемуся не только комбригом афганской гвардии (охраны), но и личным порученцем главы ДРА. Формально 154-й ооСпН поступал в его распоряжение и вводился в состав этого соединения.

В целях конспирации полковник В.В. Колесник действовал тогда под видом, как пишет об этом сам Василий Васильевич, начальника штаба «мусульманского» батальона «майора Колесова», подполковник О.У. Швец – начальника разведки, генерал-майор Ю.И. Дроздов – зампотеха «мусбата». Других комитетчиков также залегендировали под офицеров батальона¹. Впрочем, генерал-майор А.А. Ляховский и вслед за ним Ю.И. Дроздов сообщали о несколько другом распределении «ролей»: полковник В.В. Колесник – заместитель командира «мусульманского» батальона по боевой подготовке «майор Колесов», подполковник О.У. Швец – офицер особого отдела КГБ при 154-ом ооСпН «майор Швецов», генерал-майор Ю.И. Дроздов – «зампотех» «мусбата» «капитан Лебедев»².

С главным охранником Х. Амина были согласованы вопросы взаимодействия и связи, а также расположение оборонительных позиций, занимаемых «мусульманским» батальоном и порядок выхода на них. После чего провели рекогносцировку маршрутов выдвижения подразделений

1 Колесник В.В. Указ. альбом «Спецназ ГРУ». – С. 103-104.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 132-133, 137; Дроздов Ю.И. Как штурмовали дворец Амина. – В книге: «Батя. Легенда спецназа ГРУ». – С. 111.

«мусбата» и приступили к практической отработке данных задач. На одном из участков, где проходил арык, совместно с афганцами построили из бетонных плит мостик. Занимались подобными вопросами порядка двух суток. Тогда же подразделениям «мусбата» были определены задачи по срокам выдвижения на оборонительные позиции, участкам и секторам ведения огня на случай нападения моджахедов, которых тогда в обиходе именовали «ихванами».

Параллельно с этим решались вопросы размещения и устройства быта «мусульман»-спецназовцев в недостроенной казарме танкового батальона афганской бригады гвардии (охраны). Окна без стёкол завесили плащ-палатками, установили печки-«буржуйки», сделали запасы топлива, установили двухъярусные кровати. Дополнительно получили у афганских тыловиков верблюжьи одеяла: зима в том году, как об этом ранее сообщалось, была крайне суровой. Обеспечение продуктами питания проходило за счёт закупок на кабульских базарах. К приготовлению горячей пищи в условиях высокогорья поварам «мусбата» также приходилось приспособливаться.

Одновременно полным ходом шли и занятия по боевой подготовке. В частности на виду у афганцев бойцы «Зенита» и «Грома» отрабатывали нормативы по посадке и высадке на ходу их десантных отделений БТР и БМП. Проводились боевые стрельбы и учебно-боевые выходы подразделений «мусульманского» батальона для занятия установленных им участков обороны Тадж-Бека. Всё это проходило демонстрационно, чтобы заранее приучить афганские силы охраны Х. Амина к подобного рода беспокойным действиям со стороны советского «мусбата» и не вызвать у них каких-либо опасений. Днём и ночью по установленному графику прогревались двигатели боевых машин, чтоб таким образом обеспечить повышенную боевую готовность техники. Ночью в небо взлетали осветительные ракеты, обеспечивавшие подсветку местности, объявлялись учебно-боевые тревоги.

Такая рьяная деятельность командования и личного состава «мусульманского» батальона поначалу вызвала серьёзные опасения со стороны майора Джандада и его заместителей: территорию «мусбата» освещали прожекторами

зенитного полка, для выяснения причин «кипучей активности» сюда являлся сам комбриг. Комбату Х.Т. Холбаеву и «майору Колесову» приходилось давать ему соответствующие объяснения, обещать, что постараются меньше тревожить Х. Амина шумом работающих на холостом ходу двигателей. Но не размораживать же моторы боевых машин и автомобильной техники?..

Такие действия проходили 25-го, 26-го и в первой половине 27 декабря. Постепенно афганцы успокоились и перестали экстренно реагировать на подобное поведение офицеров и бойцов «мусбата». Чего, собственно говоря, и добивалось руководство «Шторма» и командование 154-го ооСпН. После размещения «мусульманского» батальона и мало-мальского обустройства быта для укрепления «боевого содружества» решили организовать званый ужин, на который пригласили около пятнадцати офицеров афганской бригады гвардии (охраны) во главе с командиром и замполитом соединения. Продукты закупили на рынке, а со спиртным и русскими деликатесами выручили комитетчики. Они привезли из своего представительства ящик «посольской» водки, коньяк, икру, рыбу, так что стол получился праздничным.

В ходе этого застолья провозглашали тосты за нерушимую советско-афганскую дружбу, за «Великую Саурскую (Апрельскую) революцию», процветание СССР и ДРА, боевое содружество и так далее. Гостям спиртное наливали щедро, сами старались пить мало: советские повара, заранее проинструктированные на этот случай, наполняли рюмки своих офицеров в основном водой. В разгар застолья замполит афганской бригады охраны разоткровенничался, как он по приказу Х. Амина со своими подельниками принимал участие в удушении «первого президента ДРА» Н.М. Тараки. Комбриг Джандад быстро осадил своего не в меру разговорчивого заместителя, которого тут же увезли для протрезвления. Однако информация об этом была незамедлительно передана по линии ГРУ Генштаба и КГБ СССР.

В то же время офицеры КГБ, подключённые к проведению «Шторма», настойчиво проводили разведку «объекта №1». Как вспоминал об этом генерал-майор госбезопасности Ю.И. Дроздов: «Вечером 25 декабря 1979 года я провёл совещание с командирами своих разведывательно-

диверсионных групп о результатах разведки объектов и мерах по овладению ими. В основном все были готовы. Не доставало плана дворца. Ослабить оборону дворца сотрудники 9-го управления отказались по соображениям конспирации, но смогли 26 декабря провести во дворец разведчиков-диверсантов, которые всё внимательно осмотрели и составили поэтажный план дворца.

Офицеры «Грома» и «Зенита» провели разведку огневых точек, расположенных на ближайших высотах. Все эти дни велось круглосуточное визуальное наблюдение за дворцом Тадж-Бек. Разведчики ночью приближались как можно ближе к объекту, оставались там на весь день. За двое суток изорвали меховой костюм в клочья, ползая по камням. Он нам потом целый год не давал покоя – не могли списать. Всё было готово. За объектом внутри и снаружи продолжалось непрерывное агентурное наблюдение»¹.

Обратим здесь внимание на слова генерала Дроздова, что наблюдение за Тадж-Бекком велось не только снаружи, но и изнутри. Очевидно, этому моменту следует уделить несколько большее внимание. В уже упоминавшемся романе Чингиза Абдуллаева «Уйти и не вернуться», изданном в 1986 году ростовским (на Дону) издательством «Проф-Пресс», имеется следующая информация: «Ещё за два месяца до вторжения, Управление «С», занимающееся нелегалами, приняло решение о командировке своего агента в Кабул. Этим агентом был азербайджанец, специалист по Афганистану, прекрасно владеющий языками, подполковник Михаил Талыбов. Он работал в Афганистане ещё при прежнем режиме и хорошо знал Кабул. С помощью советников из посольства СССР, он как местный житель из Кандагара был устроен на должность повара в президентском дворце самого Амина. Нарыв назрел. В решающий момент Талыбов должен был отравить Амина. Позднее предатель О. Гордиевский, работавший резидентом КГБ в Англии и бежавший на Запад, назовет в своей книге имя азербайджанца, работавшего шеф-поваром во дворце Амина. Но, как обычно, соврёт, ибо Михаил Талыбов, как пишет О. Гордиевский, просто не может быть азербайджанцем. Это подполковник Михаил Талыбов, чьё имя мы впервые пишем

¹ Дроздов Ю.И. «Шторм-333». – «Вымпел», 1999, №3. С. 34.

правильно. Как и всякий восточный деспот, Х. Амин был очень осторожен, часто проверяя подаваемую ему еду и напитки. Постепенно другие повара убирались из кухни и вскоре любимцем Амина стал Талыбов¹.

В соответствии с избранной формой изложения опровергать или подтверждать данное заявление писателя Чингиза Абдуллаева (в том числе и правильность написания фамилии упомянутого здесь сотрудника КГБ СССР) не будем. Ведь речь идёт о конкретном человеке, чьё участие в операции «Шторм-333» до сих пор окончательно не прояснено. Однако в этой связи вызывает удивление следующая сноска автора под данной информацией: «Публикуется впервые на русском языке. Запрещается использовать где-либо без согласия автора». Выходит, раньше это произведение издавалось вне России и тайной не являлось, а для отечественного читателя (писателя, исследователя, критика и т.д.) уже появились известные ограничения. Не совсем ясная аргументация, ведь Ч. Абдуллаев является автором романа, то есть произведения художественного, а не документального, научного или публицистического.

По этому поводу генерал-майор А.А. Ляховский, являющийся, пожалуй, самым добросовестным исследователем данной проблемы, писал о неких «поварах узбеках», задержанных охраной Х. Амина после появления у их шефа и гостей в Тадж-Беке первых признаков отравления². Руководитель «Шторма» В.В. Колесник в своих воспоминаниях данный вопрос не затрагивал. По большому счёту, обошёл эту проблему молчанием и его заместитель по линии КГБ генерал-майор Ю.И. Дроздов, которого в этой связи следует полагать человеком наиболее информированным.

Анализ различных источников позволяет сделать предположение о том, что «изнутри дворца» агентурную работу могли проводить как минимум два советских сотрудника. Во-первых, речь действительно идёт о поваре

---

1 Абдуллаев Чингиз. Указ. соч. – С. 51-52.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 145.

Х. Амина. Правда, не совсем ясно, был ли этот офицер КГБ нелегалом, сколотившим вокруг себя агентурную сеть, или же был приставлен советским руководством к афганскому диктатору официально, разумеется, для «обеспечения безопасности» Хафизуллы Амина. Во-вторых, таковым советским сотрудником можно было бы полагать и личного переводчика Х. Амина («таджика по имени Момаджан»), в услугах которого в этот период в силу известных причин он постоянно нуждался. По крайней мере, точно ясно, что у руководителей операции по захвату дворца Тадж-Бек были свои надёжные источники информации среди обслуживающего главу ДРА персонала...

Несколько забегаая вперёд, приведём заявление бывшего сотрудника внешней разведки КГБ СССР Валентина Братерского: «Нас было пятеро из ПГУ и две группы по 30 человек, которые и осуществляли операцию... Кармаль обещал, что нас поддержат 500 верных ему боевиков. Завезли для них оружие, гранаты – ждали. Из 500 человек пришёл только один»¹. О чём говорил автор этого высказывания? А имел он в виду то обстоятельство, что сосредоточенное сотрудниками советской госбезопасности на виллах посольства СССР в Кабуле вооружение из расчёта на полтысячи человек так и осталось незадействованным. Однако в подготовительный период именно для этих целей оно доставлялось чекистами в Кабул.

«Прогрессивным силам внутренней афганской оппозиции», которые по версии Кремля и Бабрака Кармалы совершили государственный переворот 27 декабря 1979 года, это оружие оказалось не нужно. Ведь до начала событий появился только один... «боевик», готовый не пощадить своего живота за правое дело свержения режима Хафизуллы Амина и его подельников. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что всё-таки таких «боевиков» было несколько больше. Однако для нас в этой связи особо интересно то обстоятельство, что в советском штабе государственного переворота в Кабуле ожидали именно 500 афганских «революционеров» из числа

¹ А.А. Ляховский «Трагедия и доблесть Афгана. – М. ГПИ «Искона», 1995. С. 149-150.

сторонников Б. Кармаля. Очевидно, для этих «боевиков» также отводилась некая роль в событиях 27 декабря. Какая? Это до сих пор не известно, хотя, по большому счёту, уже не столь важно.

Но исчерпывалось ли этим, как заявлял Валентин Братерский, участие в кабульских событиях декабря 1979 года сил афганской оппозиции или, точнее, сил внутривластной оппозиции из НДПА? Конечно, нет. В этой связи военный журналист М.Е. Болтунов рассказал о присутствии сотрудников КГБ Бориса Чичерина и Ю.А. Изотова на заседании, так сказать, «второго состава» политбюро ЦК НДПА в Баграме перед началом осуществления государственного переворота. При этом автор сообщал, что такое мероприятие проводилось вечером 27 декабря, хотя информация о времени проведения этого самостоятельного «Революционного совета и политбюро ЦК НДПА» вызывает определённые сомнения. Ведь даже по самым приблизительным расчётам вечером 27 декабря, то есть после 18.00, господа «революционеры» уже должны были находиться на своих объектах или на исходных позициях в Кабуле. По всей видимости, такое «мероприятие» могло состояться либо в первой половине 27 декабря, либо вечером 26-го или ранее того.

По мнению М.Е. Болтунова, распределение объектов, подлежащих захвату в ходе переворота, между оппозиционерами произошло примерно следующим образом: Гулябзой – дворец Х. Амина, Нур – царандой, Ватанджар – узел связи. Сразу после заседания разъехались по своим местам Сарвари, Гулябзой, Ватанджар, после них Нур. В этой связи только заметим, что распределение объектов за перечисленными лицами афганской оппозиции было несколько иным, но сейчас подробно останавливаться на этом не будем. Очевидно, именно тогда заговорщики выносили смертные приговоры «действующему» генеральному секретарю ЦК НДПА, председателю Революционного совета и премьер-министру ДРА Хафизулле Амину, его наиболее рьяным сподвижникам. Эти приговоры в последующем перепечатывались на машинке и вручались «членам подпольного Ревсовета», готовившимся

выехать на закреплённые за ними объекты. Для того чтобы делать подобные предположения, у нас имеется достаточно оснований.

Любопытно, что М.Е. Болтунов при описании этого декабрьского заседания в Баграме приводит следующую реплику чекиста Бориса Чичерина: «Заседание Политбюро. Как у нас в революцию, перед решающим штурмом распределяют обязанности: кому куда идти»¹. Вновь сравнение с Великой Октябрьской социалистической революцией (октябрьским переворотом) 1917 года. И ещё один действующий персонаж штурма дворца Тадж-Бек...

Информация для размышления

Из биографии

министра внутренних дел ДРА
Саида Мохаммада Гулябзоя

С.М. Гулябзой (Гулабзой) родился 27 декабря 1951 года в округе Хост в семье зажиточного пуштуна. Окончил девять классов средней школы в провинции Пактия, а затем отделение бортрадистов Кабульской лётно-технической школы ВВС и ПВО Афганистана. В 1966–1968 годах проходил действительную военную службу в учебном авиационном полку. В 1968 году вступил в подпольную военную организацию в Кабуле. За участие в военном перевороте 1973 года по свержению режима короля Захир Шаха ему было присвоено звание младшего лейтенанта.

Активный участник и один из непосредственных организаторов Саурской (Апрельской) революции (военного переворота) 1978 года в Афганистане. В правительстве Н.М. Тараки занимал должность министра связи. После смещения Н.М. Тараки со всех партийно-государственных должностей был вынужден перейти на нелегальное положение. Впоследствии, опасаясь расправы со стороны аминистров (28 человек из его семьи были арестованы и содержались

---

¹ Болтунов М.Е. «Альфа» не хотела убивать. – СПб., «Шанс», 1995. С. 149-150.

в тюрьме. — *Примеч. В.К.*), при содействии сотрудников КГБ из отряда «Зенит-1» нелегально эмигрировал в Советский Союз.

Во время событий 27 декабря 1979 года находился вместе со спецгруппой отряда КГБ «Зенит», штурмовавшей дворец Тадж-Бек. Одним из первых опознал труп убитого Хафизуллы Амина. 29 декабря 1979 года С.М. Гулябзой был назначен на должность министра внутренних дел ДРА в правительстве Бабрака Кармаля, с которым имел разногласия по определённым вопросам. После падения просоветского правительства в Афганистане в эмиграции в СССР. Умер и захоронен в Одессе.

В капонири на аэродроме Баграм остались только Бабрак Кармаль и Анахита Ратебзад. Здесь же были офицеры КГБ В.И. Шергин и Ю.А. Изотов. С наступлением темноты 27 декабря колонна бронетранспортёров под прикрытием трёх танков выдвинулась из Баграма. Впрочем, согласно некоторым другим источникам, колонна бронетехники состояла из боевых машин десанта подразделения гвардии старшего лейтенанта Гуляева. Это была 4-я парашютно-десантная рота из состава 345-го гв. опдп.

Во время «Шторма» С.М. Гулябзой по свидетельству Я.Ф. Семёнова был вместе с ним на первой боевой машине «Зенита». Его безопасность, чтобы «не было сомнений у наших собратьев по оружию», обеспечивали тогда офицеры КГБ Антонов и Агафонов. В свою очередь бывший главный контрразведчик ДРА (начальник АГСА) А. Сарвари был доставлен к Тадж-Беку на БМП третьей роты 154-го ооСпН с группой спецназовцев КГБ из «Грома». Кроме того, в осуществлении государственного переворота в Кабуле принимали участие другие афганцы. Так, например, к действиям в генеральном штабе вооружённых сил ДРА был подключен один из функционеров парчамистской фракции НДПА «невысокий афганец» Абдул Вакиль. А бывший министр обороны ДРА танкист М.А. Ватанджар вместе с чекистами и десантниками находился на комплексе зданий кабульского радио и телевизионного центра. Нур Ахмат Нур

был задействован в ходе взятия под советский контроль центрального офиса царандоя (министерства внутренних дел ДРА). Но тогда, 26 декабря, они только готовились к осуществлению своей «революционной» миссии...

Таким образом, подводя итог данного раздела нашего повествования, попытаемся сформулировать некоторые выводы. А они состоят в следующем:

1. Решение о вводе экспедиционного контингента советских войск в Афганистан и ликвидации главы ДРА Хафизуллы Амина принималось Политбюро ЦК компартии Советского Союза. Это решение высшего партийного органа КПСС не было подкреплено постановлениями государственных структур, уполномоченных действующим законодательством СССР на санкционирование подобного рода мер. Сам факт принятия Политбюро ЦК КПСС решения о физической ликвидации Х. Амина выходит за рамки правового поля и является противозаконным.

2. Главным инициатором ввода войск Советского Союза в Афганистан и уничтожения генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Хафизуллы Амина стал Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР во главе с его председателем Ю.В. Андроповым.

3. Для реализации плана «Шторм-333» по штурму дворца Тадж-Бек был задействован 154-й отдельный отряд специального назначения («мусульманский» батальон) ГРУ Генштаба ВС СССР, усиленный парашютно-десантной ротой и взводом ПТУРС «Фагот» из состава 345-го гв. опдп, а также штурмовыми группами спецназа госбезопасности из внеструктурных отрядов «Гром» и «Зенит».

4. В рамках реализации задействованными в операции «Шторм» армейскими формированиями боевой задачи по штурму дворца Тадж-Бек, нейтрализации ими сил афганской бригады гвардии (охраны), зенитного полка и других сил охраны и обороны резиденции главы ДРА сотрудниками КГБ СССР решалась специальная задача, целью которой

была физическая ликвидация руководителя ДРА и НДПА Хафизуллы Амина.

5. Руководство проведением операции «Шторм-333» по штурму дворца Тадж-Бек было возложено на старшего офицера ГРУ Генштаба ВС СССР полковника В.В. Колесника. Его заместителями были назначены подполковник ГРУ ГШ О.У. Швец, а также генерал-майор госбезопасности Ю.И. Дроздов, который руководил группами спецназа КГБ СССР и обеспечивал их взаимодействие с армейцами.